

КОНСТИТУЦИЯ ГЕРМАНИИ

(Последняя редакция 1802 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Германия — больше не государство. Когда прежние ученые в области государственного права ¹ занимались немецким государственным правом, они исходили из идеи науки и стремились поэтому прежде всего установить понятие немецкого государственного строя; однако им не удалось выработать единое определение этого понятия; что же касается специалистов нового времени, то они вообще отказываются от попыток такого рода и рассматривают государственное право уже не как науку, а как описание того, что дано эмпирически, без какого-либо соответствия разумной идее, полагая, что немецкому государству может быть дано только одно наименование — империи или государственного организма.

Теперь уже не спорят о том, под какое понятие можно подвести государственное устройство Германии. А то, что уже не может быть выражено в понятиях, больше не существует. Будь Германия государством, это состояние распада можно было бы с полным основанием вслед за одним иностранным ученым ² в области государственного права назвать анархией; однако этому препятствует то обстоятельство, что отдельные части империи конституировались в государства, сохраняющие некую видимость единства — не столько в силу реально существующих связей, сколько благодаря воспоминанию о существовании этих связей в прошлом; так, мы узнаем, что плоды упали с того дерева, под которым они лежат; однако ни близость дерева, ни даруемая им тень не спасут их от гниения и власти элементов, на милость которых они теперь отданы.

Здоровье государства обнаруживается не столько в покое мирного времени, сколько в движении войны; мир — это состояние наслаждения и обособленной деятельности,

когда управление государством носит характер мудрой патриархальности, а требования к подданным не выходят за рамки привычного, в войне же проявляется прочность связи между целым и его частями, обнаруживается, что государство может требовать от них и в какой степени они готовы сами содействовать ему по собственному побуждению и внутренней склонности.

Так, в войне³ с Французской республикой Германия убедилась на опыте в том, что она больше не государство, и осознала она это свое политическое состояние как в ходе самой войны, так и при заключении мира⁴, эту войну завершившего, чьи осязательные результаты сводятся к следующему: к потере ряда прекраснейших немецких земель, нескольких миллионов людей, к налогам, обременяющим земли Южной Германии сильнее, чем северные, в результате чего бедствия, нанесенные войной, будут еще долго ощущаться и в мирное время, и еще многие государства Германии, помимо тех, которые оказались под властью завоевателей с их чуждыми законами и правами, потеряют то, что для них превыше всего, — свою независимость в качестве самостоятельных государств.

Каковы же внутренние причины, каков дух этих результатов, в какой степени эти результаты являются лишь внешним и необходимым выражением внутренних причин — для подобных размышлений нам послан мир; эти размышления сами по себе должны быть делом каждого, кто не принимает все происходящее как данное, а познает сущность событий и их необходимость, отличается этим познанием от людей, рассматривающих проявления произвола и случайности лишь с позиций своего тщеславия, полагая, что они бы сделали все разумнее и лучше; такое понимание подлинных причин важно для большинства людей лишь потому, что оно в сочетании со способностью к рассудительному суждению об отдельных вещах, которое на этом понимании зиждется, дает им знания, а совсем не для того, чтобы на опыте научиться, как действовать в аналогичных обстоятельствах в будущем. Ибо очень немногие способны своей деятельностью направлять эти грандиозные события в определенное русло; всем остальным надлежит с рассудительностью и пониманием покориться необходимости происходящего. На опыте ошибок,

являющихся выражением внутренней слабости и неразумия, учатся не столько те, кто их совершил,— в них лишь укореняется привычка совершать их и впредь,— с этим опытом знакомятся другие и извлекают из него пользу; если они вообще способны к этому и внешние обстоятельства тому способствуют, они тем самым обретают ту способность проникновения в сущность происходящего, которая не является необходимой для частного лица.

Опубликование мыслей, содержащихся в данной работе, направлено только на одну цель: содействовать пониманию того, что есть, и тем самым более спокойному отношению к действительности и умению с большим спокойствием принимать ее как при реальном соприкосновении с ней, так и на словах. Ибо не то, что есть, вызывает в нас чувство нетерпения и страдания, а то, что оно не таково, каким оно должно быть; осознав же, что оно не таково, каким оно должно быть; т. е. не является результатом произвола и случайности, мы тем самым осознаем, что оно таким и должно быть. Людям вообще трудно возвыситься до такого состояния, при котором необходимость познания и мышления становится привычкой. Между событиями и свободным их восприятием они ведь ставят множество понятий и целей, требуя, чтобы все происходящее было соразмерно им. И если, что вполне естественно, обычно все происходит по-иному, они чванятся своим понятием, будто именно в них заключена необходимость, а все происходящее — лишь результат случайности; их понятия столь же ограничены, как их воззрения на вещи, которые они воспринимают как отдельные явления, а не как систему, управляемую духом. И страдая от них или просто усматривая их противоречивость своим понятием, они основывают свое право горько порицать происходящее на том, что остаются верны своим понятиям.

Этот порок прежде всего свойствен немцам нашего времени. Ощущая постоянное противоречие того, что они требуют, тому, что совершается не по их требованию, они проявляют не только склонность к постоянному порицанию, но, говоря лишь о своих понятиях,— также и отсутствие искренности и добросовестности, ибо в свои понятия о праве и обязанностях они полагают необходимость, хотя

ничто не происходит соразмерно этой необходимости, и они сами привыкли к тому, что либо их слова всегда противоречат их действиям, либо они стремятся истолковать происходящие события как нечто совершенно иное, а не то, чем они являются в действительности, и в своем истолковании жонглируют ими применительно к определенным понятиям.

Однако тот, кто захотел бы узнать, что обычно происходит в Германии, руководствуясь понятиями того, что должно происходить, т. е. государственными законами, пошел бы по совершенно ложному пути. Ибо распад государства и проявляется прежде всего в том, что все происходит не так, как того требуют законы. Заблуждением было бы также считать форму этих законов их истинным основанием и причинной. Ведь именно из-за своих понятий немцы проявляют себя столь недобросовестными, не желая признать существующее в том виде, как оно есть, и представить его, не преувеличивая и не преуменьшая, именно таким, каким оно является в силу порядка вещей. Они сохраняют верность своим понятиям, праву и законам, хотя действительность и не совпадает с ними, и та сторона, чьим интересам это отвечает, стремится словом и силою понятий привести то и другое в соответствие друг другу.

Понятием, заключающим в себе все остальные, служит то, согласно которому Германия и теперь является государством, поскольку она некогда была таковым, и формы, лишённые теперь того, что некогда составляло их жизнь, существуют по сей день.

Организация этого политического тела, именуемая конституцией Германии, сложилась в совсем иной жизни, отличной от той, которая образовалась позже и существует по сей день. В формах этого организма выражены справедливость и власть, мудрость и храбрость давно прошедших времен, честь и кровь, благополучие и нужда давно истлевших поколений, исчезнувших вместе с ними правов и отношений. Время и связанное с ним развитие образованности разъединили судьбу той эпохи и жизнь наших дней. Здание, где обитала та судьба, не служит уже пристанищем судьбы современного поколения; безучастное к его интересам и деятельности, ненужное, оно стоит в сто-

роне от мирового духа. Если эти законы утратили свою прежнюю жизненность, то современная жизнь в свою очередь не сумела воплотиться в законы; оба они шли своим путем, устанавливали себя для себя, а целое распалось, государства больше нет.

Эта форма немецкого государственного права глубоко корепится в том, чем особенно прославились немцы, а именно в их стремлении к свободе. Это стремление и послужило причиной того, что немцы не стали народом, подчиненным единой государственной власти даже тогда, когда все остальные народы Европы уже подчинились господству централизованного государства. Не удалось настолько преодолеть упорство, свойственное немецкому характеру, чтобы заставить отдельные части Германии пожертвовать своими специфическими особенностями на благо обществу, объединиться во всеобщее и обрести свободу в совместном добровольном подчинении верховной власти государства.

Своеобразный принцип немецкого государственного права находится в нерасторжимой связи с состоянием Европы, при котором народы принимали участие в функционировании верховной власти не опосредствованно через законы, а непосредственно. Высшая государственная власть была у европейских народов всеобщей властью, долей которой свободно располагал каждый; и это личное, свободное, зависящее от произвола участие каждого в управлении государством немцы не пожелали превратить в участие свободное, независимое от произвола, выраженное во всеобщности и силе законов, но положили в основу своей наиболее поздней стадии государственного развития то прежнее состояние, не противоречащее законам, но основанное на незаконном произволе.

Это позднее состояние немецкого государства непосредственно отsprавляется от того состояния, когда нация, не будучи государством, составляла народ. Во времена древней немецкой свободы каждый отдельный человек отвечал в своей жизни и деятельности сам за себя. Его честь и его судьба не были связаны с каким-либо сословием, но покоились только в нем самом. Согласно своему собственному разуму и в зависимости от своей силы он вступал в единоборство с миром, либо погибая, либо пре-

образуя его в соответствии со своими желаниями. С целым его соединяли обычаи, религия, невидимый живой дух и ряд существенных интересов. В остальном же — во всех своих предприятиях и действиях — он не позволял целому ограничивать себя и без каких-либо опасений и сомнений ограничивал себя сам. Но то, что находилось в его сфере, было в такой степени и настолько полностью им самим, что это даже нельзя было назвать его собственностью; то, что принадлежало к его жизненной сфере, что мы называли бы частью, в чем мы, следовательно, также полагали бы некую часть самих себя, для него составляло плоть от плоти его, жизнь, душу и блаженство.

Деление и расчет, составляющие основу нашей законности, в силу которых за кражу коровы не стоит рисковать головой или открыто противопоставлять свою индивидуальность в десять раз бесконечно более сильной власти (подобно власти государства), были ему неведомы — он был целиком и полностью в сфере своего. (Французы понимают под словом *entier* — целый и своеправный.)

На основе этого своевольного поведения, которое только и считалось свободой, по воле случая или характера образовались круги господства без какого-либо соотношения со всеобщим и почти без ограничения со стороны того, что называют государственной властью, ибо противостоящей отдельным индивидуумам государственной власти почти не существовало.

С течением времени эти круги господства упрочились. Прерогативы государственной власти превратились в многообразную, исключаящую всякое вмешательство, независимую даже от государства, распределенную без применения каких-либо правил и принципов собственностью. Эта многообразная собственность образует не систему прав, а их лишенное всякого единого принципа сочетание, сохранить которое при его непоследовательности и запутанности можно было только посредством самой изощренной проницательности, способной при возникающих коллизиях уберечь его от действия внутренних противоречий или, вернее, только необходимость и превосходство позволяли сохранить некое равновесие; что же касается государства в целом, возможности хоть как-то сохранить его,

то это целиком зависело от воли божественного провидения*.

Политическая власть и политические права предоставляются не в качестве государственных должностей, соответствующих организации целого; деятельность отдельного человека и его обязанности определяются не в соответствии с потребностями целого, но каждый член политической иерархии, каждый княжеский дом, каждое сословие, каждый город, цех и т. д., все те, кто обладает правами государственного характера, завоевали их сами, а государству оставалось при этом сокращении его мощи в каждом данном случае только подтвердить, что оно лишилось своих прерогатив; и если государство в конечном итоге вообще потеряет всякую власть,— а между тем всякое владение отдельного человека основано именно на власти государства,— то весьма шатким окажется владение тех, единственной опорой которых служит государственная власть, равная нулю.

Принципы немецкого публичного права не могут быть поэтому выведены из общего понятия государства или из понятия определенного государственного строя, монархии и т. д., а немецкое государственное право не есть наука, в основу которой положены определенные принципы, но свод самых различных прав государства, приобретенных по типу частного права. Законодательная, судебная, духовная и военная власти беспорядочно и неравномерно смешивались, делились и соединялись столь же многообразными способами, как собственность частных лиц.

В решениях рейхстага, в мирных договорах, в избирательных капитуляциях, в договорах между княжескими домами, в решениях имперских судов и т. д. самым тщательным образом определяются политические права каждого члена немецкого государственного организма. Эта тщательность распространялась на все и вся едва ли не с религиозным рвением, и годами усилия тратились

* Вычеркнуто: поэтому немецкое государственное право является собранием частных прав; часть государства, каждый княжеский род, каждое сословие, каждый город, цех и т. д., все те, кто обладает правами государственного характера, завоевали их сами; функции государства сводились преимущественно к подтверждению того, что оно теряло свою власть.

на вещи, как будто совершенно незначительные, подобно титулатуре, правилам устанавливая порядок, как следует ходить и в каком порядке занимать места, цвет мебели и т. п. И с этой точки зрения, по точному определению всех, даже самых ничтожных обстоятельств, относящихся к области права, немецкое государство безусловно обладает наилучшей организацией. Германская империя подобна царству природы — она непостижима в крупном и неисчерпаема в мелком; именно это свойство вызывает у лиц, посвященных в бесчисленные детали права, почтительное изумление перед достоинствами немецкой государственности и восхищение системой столь последовательно проведенной справедливости.

Эта справедливость, направленная на то, чтобы сохранить каждую часть отдельной от государства, находится в самом резком противоречии к притязаниям государства по отношению к своему отдельному члену. Государству необходим общий центр — монарх и сословия, — обладающий всеми разновидностями власти; этот центр осуществляет связь с иностранными державами, обладает военной властью, финансами, связанными со всем этим, и т. д.; помимо функций управления, этот центр должен обладать и необходимой властью, для того чтобы отстаивать свои права, проводить свои решения и держать в повиновении отдельные части государства. Право же предоставляет отдельным сословиям почти полную или, вернее, полную независимость. Если остаются еще такие стороны независимости, которые не определены ясно и торжественно в избирательных капитуляциях, в решениях рейхстага и т. д., то они санкционируются практикой, что является более серьезным и полным правовым основанием, чем все остальное. Здание немецкой государственности — не что иное, как сумма прав, отнятых отдельными частями у государства, а названная справедливость, зорко наблюдающая за тем, чтобы государство не сохранило какого-либо остатка власти, есть сущность этого государственного устройства.

Пусть несчастные провинции, погибающие из-за беспомощности государства, к которому они принадлежат, обвиняют в своих несчастях политическое состояние государства, пусть верховный глава империи и патриотиче-

ски настроенные сословия, более других обеспокоенные случившимся, тщетно призывают остальных к совместным действиям, пусть Германию предадут грабежу и поруганию — ученый знаток государственного права всегда сумеет доказать, что все происходит в полном соответствии с правом и практикой, а все неурядицы — лишь мелочи по сравнению с соблюдением справедливости. Если неудачи в ведении войны находят свое объяснение в поведении отдельных сословий, одни из которых вообще не поставляют должных контингентов войск или посылают вместо обученных солдат только что набранных рекрутов, другие не платят римских денег⁵, третьи в минуту величайшей опасности отзывают свои контингенты, многие самостоятельно заключают договоры о мире и нейтралитете, и в общем все они, каждый на свой лад, подрывают обороноспособность Германии, то государственное право доказывает, что поведение сословий не противоречит их праву, праву подвергнуть государство величайшей опасности, разорению и бедствиям; а поскольку речь идет о правах, то отдельные лица и все граждане в целом должны строжайшим образом оберегать и охранять это право быть уничтоженным. И нет, вероятно, более подходящего для правового состояния немецкого государства изречения, чем *Fiat justitia, pereat Germania!*⁶

Немецкому характеру свойственна одна, если не разумная, то в известной степени благородная черта, которая выражается в том, что право как таковое, независимо от его основы и следствий, для него свято. И если Германия как независимое самоуправляющееся государство придет в полный упадок, — что, судя по всему, вполне вероятно, — и немецкая нация вообще перестанет существовать, то отрадно все-таки видеть, что во главе разрушающих духов шествует перед правом благоговение.

Политическое состояние Германии и ее государственное право предоставили бы нам возможность насладиться подобным зрелищем, если бы Германию можно было считать государством; в этом случае ее политическое состояние следовало бы рассматривать как правовую анархию, а ее государственное право — как правовую систему, противопоставленную государству. Однако все признаки указывают на то, что Германию следует рассматривать не как

единое государство, государственное целое, а как конгломерат независимых и по существу суверенных государств. Но ведь говорят, что Германия — империя, государственный организм, она подвластна верховному главе государства и входит в имперский союз. В качестве юридических терминов эти определения нерушимы; однако исследование, занимающееся понятиями, не интересуется подобными терминами как таковыми; их подлинный смысл может быть выявлен лишь из определения понятий. Правда, выражения, подобно «империи», «верховному главе империи» часто используются вместо понятий и выручают в безвыходном положении.

Специалист в области государственного права, который не может назвать Германию государством, — ибо ему пришлось бы тогда сделать ряд несомненно следующих из этого понятия выводов, а их он сделать не может — находит выход в том, что пользуется термином «империя» как понятием (не может ведь он допустить, чтобы Германия считалась не-государством); поскольку же Германия не является ни аристократией, ни демократией, а должна бы по своей природе быть монархией, император же не может рассматриваться как монарх, то выход находят в титуле «верховный глава империи», хотя речь идет о системе, где господствовать должны не титулы, а определенные понятия.

Следствием применения такого совершенно общего понятия, как «верховный глава империи», является то, что император подпадает под одну категорию с венецианским дожем и турецким султаном. Тот и другой также могут быть названы верховным главой государства, однако первый, являясь верховным главой, был в сильнейшей степени ограничен аристократией, второй же — ничем не ограниченный деспот. И поскольку названное понятие может быть применено к высшей государственной власти самого различного объема, то оно, будучи совершенно неопределенным, не имеет никакого смысла; оно претендует на то, чтобы что-то выразить, и не выражает по существу ничего.

В области науки и истории следует всячески избегать подобных ничего не значащих выражений, даже если они в обыденной жизни являются необходимым, соответ-

ствующим немецкому характеру паллиативом. Если в силу каких-либо важных причин настоятельно необходимо прийти к соглашению, будь то в сфере гражданской жизни или в политике, когда внутри государства сталкиваются различные непримиримые интересы, то при врожденном упрямстве немцев, их постоянном стремлении всегда настоять на своем нет лучшего средства, чем использование выражения самого общего характера; оно удовлетворит обе стороны и позволит обеим сторонам сохранить свои позиции, разногласия останутся при этом прежними; или если одна сторона действительно выпущдена будет пойти на уступки, это общее по своему характеру выражение позволит ей не сознаться в этом.

Если немцы веками и держались подобных представлений, создававших видимость единения, внутри которого ни одна из сторон по существу ни в коей мере не отказывалась от своих сепаратистских притязаний, то исследование этого вопроса, особенно если оно претендует на научность, должно твердо держаться понятий, и в суждении, является ли данная страна государством, не жонглировать выражениями общего характера, а принимать во внимание объем власти, предоставляемой тому, что именуется здесь государством; если же при более пристальном рассмотрении то, что в целом именуется государственным правом, в действительности окажется правами, противопоставляемыми государству, тогда следует поставить вопрос: располагает ли, несмотря на это, данное государство той властью, которая только и превращает его в подлинное государство. При внимательном изучении этого вопроса применительно к состоянию Германии и ее государственной власти станет очевидным, что Германию больше нельзя называть государством. Мы последовательно рассмотрим различные формы власти, которые необходимо должны присутствовать в государстве.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА

Масса людей может называть себя государством лишь в том случае, если она объединена для совместной защиты всей совокупности своей собственности. Само собой

разумеется (однако мы все-таки считаем необходимым это подчеркнуть), что подобное объединение не только намерено защищаться, но что оно действительно защищается, какими бы ни были его сила и степень удачи в осуществлении этой защиты. Ибо никто не станет отрицать, что буквой закона и на словах Германия объединена для осуществления совместной защиты; однако в данном случае мы не можем отделять закон и слово от действительности и дела, утверждая, что Германия осуществляет совместную защиту, правда, не делами, не в действительности, а буквой закона и на словах. Ибо собственность и ее защита посредством объединения в государство — вещи, полностью относящиеся к сфере реальности; идеальное же их выражение свойственно чему угодно, только не государству.

Планы и теории могут претендовать на реальность в той мере, в какой они *осуществимы*, значимость их не меняется от того, обрели ли они свое воплощение в реальности или нет; что же касается теории государства, то она может отражать состояние государства и конституции лишь постольку, поскольку она реальна. Если бы Германия выдавала себя за государство, имеющее определенную структуру, невзирая на то, что формы ее государственного устройства лишены жизни, а теория — реальности, то это было бы неправдой; если же она в самом деле обещала бы осуществлять совместную защиту, то это можно было бы расценить либо как старческую слабость, сохраняющую стремление к действиям при полной неспособности что-либо совершить, либо как непорядочность, которая позволяет не выполнять данное обещание.

Для того чтобы масса людей образовала государство, ей необходимо создать совместную защиту и государственную власть. Характер же вытекающих из этого особых воздействий и аспектов подобного объединения, специфическое их устройство безразличны с точки зрения того, образует ли данная масса людей определенную власть. Что касается вида и способов осуществления власти, то они вообще могут быть самыми разнообразными, в том или ином государстве может царить полная беспорядочность и несоразмерность, и в нашем рассмотрении необходимо строго различать следующие два обстоятельства:

с одной стороны, необходимость того, чтобы масса людей являла собой государство и совместную власть, и, с другой — особые модификации этой власти, относящиеся не к сфере необходимости, а к сфере того, что лучше в той или иной степени, если говорить о понятии, или, если иметь в виду действительность, — к сфере случайности и произвола.

Это различие имеет большое значение для спокойствия государств, устойчивости правительств и свободы народов. Ибо если всеобщая государственная власть требует от отдельного человека только то, что ей необходимо, и ограничивает этим применяемые ею меры, то в остальном она может предоставить своим гражданам значительную свободу в их жизни и волеизъявлении; при этом государственная власть, которую правительство в качестве необходимого для государства средоточия концентрирует в своих руках, не вызывает неудовольствия отдельных, находящихся на ее периферии, граждан, когда она предъявляет им требования, необходимость которых для целого очевидна каждому; она не подвергается опасности, неизбежной, когда действительно необходимое и в той или иной степени произвольное находится в исключительном ведении центральной государственной власти, с одинаковой строгостью контролируются правительством; тогда подданные также перестают различать эти две сферы и, испытывая одинаковое раздражение по отношению к обеим, ставят под угрозу государство в сфере того, что для него необходимо.

К тому аспекту государства, который принадлежит к сфере случайности, следует отнести характер государственной власти в высшей точке ее концентрации. Осуществляется ли эта власть одним человеком или несколькими, принадлежит ли она этому одному или этим несколькими по праву рождения или в результате избрания — все это в свете того единственно необходимого, которое превращает массу людей в государство, безразлично. Столь же безразлично, как и гражданское равноправие или неравноправие отдельных лиц, подчиненных общей государственной власти. Мы совершенно не касаемся здесь неравенства природных свойств, талантов и душевной энергии, неравенства, которое создает значительно большее разли-

чие, чем неравенство в сфере гражданских отношений. То обстоятельство, что среди подданных государства есть крепостные, горожане, свободные дворяне и князья, которые в свою очередь также имеют подданных, что сами отношения этих отдельных сословий даже в качестве политических звеньев существуют не в чистом виде, а в бесчисленных модификациях, столь же мало препятствует превращению массы людей в государство, как и то, что отдельные географические области образуют провинции, отличающиеся по своему месту в сфере внутреннего государственного права.

Что касается собственно гражданских законов и управления правосудия, то единство закона и судопроизводства столь же мало способствовало бы превращению Европы в одно государство, как единство мер, веса и денежных единиц; различие же между ними не устраняет единства государства. Даже если бы из самого понятия государства не следовало, что конкретные определения правовых отношений отдельных лиц в сфере собственности не входят в круг интересов государственной власти, — ей надлежит только определить отношение собственности к государству, — то мы могли бы увидеть это на примере почти всех европейских государств; в наиболее могущественных странах, тех, которые действительно являются государствами в подлинном смысле слова, безусловно, отсутствует единство закона. В дореволюционной Франции было такое многообразие законов, что, помимо римского права, действовавшего во многих провинциях, в ряде других господствовало бургундское, бретонское и т. д.; и едва ли не каждая провинция, едва ли не каждый город имели свои особые законы, что дало одному французскому писателю основание сказать: тот, кто путешествует по Франции, меняет законы так же часто, как почтовых лошадей.

Таким же внешним для понятия государства обстоятельством является то, какая особая власть или какое соотношение различных сословий или граждан издает законы, а также характер судов — замещаются ли должности в различных судебных инстанциях по наследству, по распоряжению верховной власти, в силу свободного решения граждан или самих судебных инстанций, — размер оп-

ределенных судебных округов, способ образования определенных округов — сложились ли они по воле случая, — наличие общей верховной инстанции для всего государства и т. д.

Столь же независима от государства и форма управления вообще, которая может быть самой разнообразной, а также устройство магистратов, права городов и сословий и т. д. Все эти обстоятельства имеют для государства лишь второстепенное значение, для его подлинной сущности форма их организации безразлична.

Неравенство податей, взимаемых с различных классов в зависимости от их материального благосостояния, и еще в большей степени неравенство идеального характера, а именно неравенство прав и обязанностей и их происхождения, обнаруживается во всех европейских государствах. Так же как государству не наносит никакого ущерба возникающее из имущественного неравенства неравенство доли участия граждан в государственных расходах, более того, на нем зиждется государственное устройство нового времени, его не затрагивает и неравенство вкладов различных сословий — знати, духовенства, горожан и крестьян; причиной этого неравенства независимо от всего того, что пменуется привилегиями, является различие сословного характера; ведь соотношение налогов не может быть определено существенной стороной отдаваемой государству доли, т. е. трудом, — он не может быть исчислен и сам по себе неравен — это соотношение может быть определено только по продукту труда.

Все остальные случайные обстоятельства: обременены ли различные по своему географическому положению части государства различными налогами, подвержены ли налоги изменениям и подчиняются ли они системе субординации, получает ли с одного и того же участка город поземельный налог, частное лицо — арендную плату, аббатство — десятину, имеет ли там дворянин право охоты, а община — право пасти скот и т. д., составляют ли различные сословия и корпорации всех видов особые группы в системе налогов — все эти случайности остаются вне понятия государственной власти; в качестве центра она заинтересована только в определенном количестве поступающих налогов, а их неравномерное поступление и проис-

хождение ее не интересует. Государство может вообще оставить вне сферы своего внимания всю систему налогообложения, не поступаясь при этом своим могуществом наподобие того как это было при прежней ленной системе, когда вассал в случае необходимости сам, неся свою личную повинность, заботился обо всем, что ему необходимо для службы государству, а источником для прочих государственных расходов служили доходы с доменов; можно даже допустить, что таким образом расходы могли бы быть вообще полностью покрыты без того, чтобы государство даже в качестве финансовой мощи составляло центр поступления податей, как в новое время, но пользовалось бы тем, что оно получает в виде податей, так же как это делают другие обладатели особого права, являющиеся по отношению к государству частными лицами.

В наше время отдельные части государства могут быть очень мало связаны или даже совершенно различаться по своим нравам, образованию, языку; подобное единство — в прошлом основа объединения народа — должно быть теперь отнесено к тем случайностям, которые не препятствуют тому, чтобы масса людей составляла государственную власть. Рим, Афины, а также любое маленькое современное государство не могли бы существовать, если бы там говорили на стольких языках, как в Российской империи, а нравы были бы столь различны, как в названном государстве, или составляли бы такое многообразие, как нравы и культура в столице любой большой страны. Различие языка и диалектов, причем последнее обстоятельство раздражает и разъединяет людей в большей степени, чем полное непонимание, различие отдельных сословий по своим нравам и образованию, в результате чего принадлежность людей к одному народу едва ли не распознается только по их внешнему облику, подобная гетерогенность важнейших элементов может быть преодолена и сведена воедино — в расширившей свои границы Римской империи это было осуществлено могуществом власти, в современных государствах — силою духа и действенностью государственной организации; тем самым различие в образовании и нравах становится не только необходимым следствием, но и обязательным условием существования современных государств.

В современных государствах может отсутствовать даже единая религия, хотя именно в религии находит свое выражение сокровеннейшая сущность человеческого бытия, и люди, даже если все другие, внешние и разбросанные вещи оставляют их равнодушными, ощущают в этом едином центре прочность объединяющих их уз и способность возвыситься во взаимном доверии и уверенности друг в друге над неравенством и неустойчивостью отношений и условий.

Даже в менее пылкой Европе единство религии всегда было основным условием существования государства. Ни о чем другом не помышляли, и без этого главного единства не представлялось возможным какое-либо иное единство или доверие. Временами эти узлы достигали такой степени интенсивности, что внезапно объединяли обычно чуждые или даже разъединенные национальной враждой народы в одно государство; и это государство, выступая не только в качестве священной христианской общины или коалиции, чьи совместные действия продиктованы общностью интересов, но и в качестве единой светской власти, в качестве государства, одного народа и одной армии, завоевало в войне с Востоком обитель как своей вечной, так и своей временной жизни.

Так же как до и после этого времени единство религии не служило препятствием для войн между разъединенными народами и не связывало их в единое государство, и в наше время различные религии не разрывает государство на отдельные части. Государственная власть в качестве чистого государственного права сумела отделиться от власти религии и ее права и настолько упрочиться, что перестала пуждаться в церкви; отделив ее от себя, она вернула церкви положение, которое та занимала в начальной стадии своего существования в римском государстве.

Правда, в соответствии с государственными теориями, которые в наши дни разрабатываются так называемыми философами и провозвестниками прав человека или реализуются в виде графдиозных политических экспериментов, все то, что мы исключили из необходимого понятия государственной власти (кроме самого главного — языка,

культуры, правов и религии), подчинено непосредственной деятельности государственной власти, причем так, что государственная власть полностью определяет все эти стороны жизни и регулирует их вплоть до мельчайших деталей.

Не подлежит сомнению, что высшая государственная власть должна осуществлять верховный контроль над выперечисленными сторонами жизни народа и его сложившимися по воле случая или древнего произвола институтами, не позволяя им препятствовать осуществлению главных функций государства и обеспечивая в первую очередь эти функции, а в случае необходимости не щадить для этого второстепенные по своему значению системы прав и привилегий; однако большим преимуществом древних государств Европы является то, что государственная власть может, обеспечив удовлетворение своих необходимых потребностей, предоставить своим подданным известную свободу действий в ряде областей судопроизводства, управления и т. д., оставляя в их ведении как назначение должностных лиц, так и решение текущих дел и соблюдение законов и обычаев.

В современных больших государствах невозможна реализация идеала, согласно которому каждый свободный человек участвует в обсуждении и определении всех государственных дел. Государственная власть должна быть сосредоточена в одном центре, который принимает необходимые решения и в качестве правительства следит за проведением их в жизнь. Если этот центр сам по себе прочен вследствие уважения к нему народов, если его устойчивость освящена личностью монарха, предназначенного для своего сана в силу естественного закона и по праву рождения, то государственная власть может без какого-либо опасения и боязни соперничества свободно предоставить ведению подчиненных ей систем и институтов значительную долю тех отношений, которые складываются в обществе, и контроль над тем, чтобы они соответствовали законам; тогда каждое сословие, каждый город, каждая деревня и т. д. смогут свободно совершать и осуществлять все то, что находится в сфере их непосредственной деятельности.

Подобно тому как законы такого рода постепенно воз-

никли непосредственно из обычаев в виде освященного временем установления, так и правовое устройство, институты низшей юрисдикции, права горожан в этой сфере — право городского управления, взимания налогов как общих, так и необходимых для самих городов и законное их использование — все относящееся к этой области сложилось под действием внутренних сил, самостоятельно достигло развития и, однажды возникнув, сумело сохраниться.

Сложная организация церковных учреждений также ни в коей мере не была создана верховной государственной властью, и все духовное сословие само сохраняет себя и преобразует свой состав, используя в большей или меньшей степени внутренние возможности. Крупные суммы, ежегодно затрачиваемые большим государством на помощь бедным, и связанные с этим разветвленные учреждения, охватывающие все области страны, складываются не из установленных государством налогов и не по государственному распоряжению содержится и функционирует эта система. Вся совокупность владений и доходов, относящихся к этой области, состоит из благотворительных фондов и пожертвований отдельных лиц, и вся система в целом, ее управление и функционирование, не зависит от верховной власти государства; подобно тому как большая часть общественных институтов сложилась внутри каждого круга потребностей на основе свободной деятельности граждан, длительность их существования и жизнеспособность сохраняются столь же свободно, без каких-либо помех со стороны государственной власти, вызванных боязнью соперничества или какими-либо иными опасениями: правительство выступает только тогда, когда необходимо либо защитить их, либо ограничить рост той области, которая в силу своего чрезмерного развития неминуемо будет мешать процветанию других необходимых видов деятельности.

Между тем в новых, частично реализованных теориях господствует предубеждение, согласно которому государство рассматривается как машина⁷, весь бесконечно сложный механизм которой приводится в действие одной пружиной; все учреждения, связанные с самой природой общества, должны, согласно этим теориям, создаваться

государственной властью, регулироваться ею, преобразовываться в соответствии с ее приказами и подвергаться ее контролю.

Стремление педантично определять все детали, это лишенное подлинной свободы посягательство на управление всеми делами сословий, корпораций и т. д., эта неблагоприятная придирчивость по отношению ко всякой самостоятельной деятельности граждан, если только она имеет какое-либо отношение даже не к государственной власти, а просто к вопросам общего значения, — все это облекается в разумные принципы; согласно этим принципам, ни один геллер из сумм, отведенных в стране с 20—30-миллионным населением на помощь бедным, не может быть израсходован не только без разрешения высших правительственных инстанций, но и без их прямого распоряжения, контроля и проверки. Заботясь о воспитании, создатели этих теорий требуют, чтобы назначение каждого сельского учителя, трата каждого пфеннига на оконное стекло в школе или в помещении деревенского совета, назначение каждого писаря и судейского служащего, каждого деревенского судьи происходило по прямому указанию и под непосредственным воздействием высших правительственных инстанций; и все, что производит земля в государстве, должно двигаться ко ртам подданных единым путем, расследованным, рассчитанным, проверенным и установленным государством, законом и правительством.

Здесь не место подробно останавливаться на том, что центральной государственной власти, правительству, надлежит предоставлять своим подданным свободу во всем том, что не относится к прямому ее назначению — к организации власти и ее сохранению, что не связано с внешней и внутренней безопасностью, что не может быть более священной для правительства обязанности, чем предоставление гражданам свободы в такого рода вопросах и их защита, независимо от каких бы то ни было соображений утилитарного характера, ибо эта свобода священна сама по себе.

Что же касается полезности всего этого, если мы захотим обратиться к исчислению тех преимуществ, которые дает государству самоуправление граждан посредст-

вом особых учрежденных для этой цели органов, отправле-ние ими правосудия в своих судах, назначение ими местных должностных лиц и т. п., — то в этом вопросе можно руководствоваться тремя соображениями: во-пер-вых, можно исходить из наиболее осязаемых соображе-ний денежного характера, т. е. из той материальной вы-годы, которую получит тем самым государственная власть; во-вторых, стремиться прежде всего к созданию безупреч-ной государственной машины, равномерно работающей в соответствии с тщательно продуманным планом и мудро предусмотренной целью; в-третьих, сообразоваться с жиз-неспособностью институтов, с духовной удовлетворенно-стью, ощущением свободы и чувством собственного до-стоинства граждан, проистекающих из участия в общих делах государства в той мере, в какой эти дела, с точки зрения верховной власти, носят случайный характер.

В первом случае, где речь идет о непосредственно ощутимой выгоде, государство, организованное по прин-ципу единой машины, совершенно уверено в том, что обладает безусловными преимуществами по сравнению с тем государством, которое в значительной степени предо-ставляет своим подданным право принимать решения по частным вопросам и проводить их в жизнь. Следует, одна-ко, заметить, что государство первого типа не может об-ладать какими-либо финансовыми преимуществами, раз-ве только оно прибегнет к высоким налогам. Подчиняя себе все области управления, судопроизводства и т. д., оно берет на себя и все тяготы расходов, которые при организации целого в виде всеобщей иерархии должны быть в свою очередь покрыты посредством введения по-стоянных налогов; напротив, государство, которое пере-дает заинтересованным в местных делах кругам населе-ния вместе с учреждениями, регулирующими сферу слу-чайного и единичного, — отправле-ние правосудия, расходы по воспитанию, по оказанию помощи неимущим и т. д. — связанные с ними затраты, достигает покрытия этих расходов без введения налогов. Тот, кто нуждается в судьбе, делопроизводителе, воспитателе или по собствен-ному побуждению заботится о бедных, платит здесь сам; налогов нет, никто не оплачивает суд, поверенного, вос-питателя или духовника, в которых он не нуждается; тот

же, кто избирается своими согражданами для замещения низших административных или судебных должностей, в чье ведение передаются дела города или корпораций, видит возмещение своих трудов в самой оказанной ему чести, тогда как от государства он потребовал бы оплаты своей деятельности, так как не считал бы ее для себя делом чести. Оба эти обстоятельства, даже если допустить, что первое требует от населения больших затрат (а это маловероятно), приводят к следующему: в одном случае люди не расходуют деньги на то, что им не чужно, если оно не является необходимым для государства в целом, в другом — достигается реальная экономия; и в обоих случаях народ либо ощущает, что предъявляемые к нему требования разумны и необходимы, либо ценит предоставленную ему свободу и оказанное доверие; последнее обстоятельство составляет главное различие между названными выше соображениями второго и третьего типа.

Механическая, осмысленная и подчиненная благородным целям иерархия ни в чем не проявляет доверия к гражданам и не вправе, следовательно, рассчитывать на доверие с их стороны. Она уверена только в том, что совершается по ее прямому приказу и под ее наблюдением и отвергает тем самым добровольные дары и жертвы своих подданных, не скрывает ни своей презрительной уверенности в их безрассудстве и неспособности судить и действовать себе на благо, ни своей убежденности во всеобщем бесстыдстве; поэтому она и не может уповать на какую-либо живую деятельность своих подданных, на то, что обретет опору в их чувстве собственного достоинства.

Это различие между двумя типами государственного устройства столь велико, что оно не может быть постигнуто теми государственными деятелями, которые привыкли принимать во внимание только то, что может быть выражено в определенных цифрах: для государства одного типа характерны благосостояние, благополучие, порядочность и довольство подданных; для другого — тупое безразличие, постоянные переходы от низости к наглости, нищета; и в наиболее серьезных обстоятельствах, когда на поверхность выступает лишь случайная сторона событий, именно это различие в государственном устройстве определяет эту случайность и делает ее необходимой.

Громадная разница заключается в том, направлено ли стремление государственной власти на то, чтобы держать в своих руках все, на что она может рассчитывать, — именно поэтому ей тогда больше рассчитывать не на что, — или же она может, помимо находящегося в ее руках, рассчитывать и на свободную приверженность своих подданных, на их чувство собственного достоинства и желание служить опорой государству — на могучий неодолимый дух, изгнанный в иерархическом государстве и присутствующий только там, где верховная власть предоставляет все, что только можно, в непосредственное ведение своих подданных. В современном государстве, где все сверху донизу регламентировано, где все, имеющее какое-либо общее значение, изъято из ведения и деятельности заинтересованных в этом кругов населения, — наподобие того, что мы обнаруживаем во французской республике — постепенно сложится пудная, лишенная духовности жизнь; это нам покажет будущее, если, конечно, такой тип педантичного господства будет сохранен. Но какая неплодотворность и закоренелость царит в жизни другого, столь же регулируемого государства, государства прусского, становится очевидным каждому, кто войдет в первую же его деревню, кто увидит, насколько в Пруссии отсутствуют какие бы то ни было проявления таланта в науке и искусстве, кто, оценивая силу этой страны, отвлечется от той эфемерной энергии, которую сумел на время вдохнуть в нее один гениальный человек ⁸.

Мы, следовательно, не только различаем в государстве, с одной стороны, необходимое, что должно находиться в непосредственном ведении государственной власти и только ею определяться, с другой — безусловно необходимое связанному в общество народу, но для государственной власти как таковой относящееся к области случайного, но и считаем счастливым тот народ, которому государство предоставляет значительную свободу деятельности в вопросах общего характера, не имеющих первостепенного значения для государства в целом; саму же государственную власть, которая может найти поддержку в свободном, лишенном педантизма духе своего народа, — безгранично могущественной.

Следовательно, то обстоятельство, что в Германии не получило реализации ограничивающее свободу требование, согласно которому законы, судопроизводство, утверждение и взимание палогов и т. п., язык, нравы, образование и религия должны находиться в ведении и во власти одного центра, но что в этих сферах царит самое пестрое многообразие, само по себе не препятствовало бы конституированию Германии в единое государство, если бы она обладала иной организацией государственной власти...

ВОЕННАЯ МОЩЬ ГЕРМАНИИ

Сама распространенность военных талантов может служить доказательством того, что эти толпы вооруженных людей не пребывают в бездействии; на протяжении столетий не было между европейскими державами войны, где бы мужество немцев не обрело, если не лавры, то, во всяком случае, почетное признание, где бы не лилась рекою немецкая кровь.

При всей многочисленности населения, военных талантах, при полной готовности правителей Германии проливать кровь своих подданных, при всем богатстве Германии в необходимых для ведения войны материальных ресурсах и живой силе — нет страны более незащитной, более не способной не только к завоеваниям, но и кстойкой самозащите, чем Германия. Даже все ее попытки к обороне, само стремление защитить себя нельзя считать значительными или достойными.

Военная мощь Германии формируется, как известно, из контингентов, поставляемых высшими и низшими условиями. Что касается последних, то эти армии, войска, военные подразделения и как бы их еще ни называть могут быть обычно использованы только в качестве полицейских частей или солдат для парадов, а не в качестве воинов, для которых нет ничего более высокого, чем честь их армии и службы. Воинственный дух, заставляющий биться сердце каждого солдата большого войска при словах «наша армия», эта гордость своим положением и службой, которая и составляет душу армии, не может произрастать в сторожевых отрядах имперского

города или лейб-гвардии аббата. Уважение, которое вызывает незнакомый еще воин самой формой одежды большой армии, не распространяется на обмундирование солдата имперского города. Слова «я 20, 30 лет состоял на этой службе», произнесенные самым храбрым солдатом контингента небольшого имперского города, вызывают совсем иное ощущение и впечатление, чем эта же фраза в устах офицера большой армии; ибо чувство собственного достоинства человека и уважение к нему других соразмерны величине целого, к которому этот человек принадлежит; на него падает отблеск той славы, которая в течение ряда веков завоевывалась ратными подвигами армии.

Незначительность мелких войсковых подразделений, вызванную их небольшим составом, не следует еще усугублять неумелостью и рядом неблагоприятных организационных мер. Трудно преувеличить вред, который приприсит то, что к началу войны мелкие сословия только начинают вербовать солдат, иногда и назначать офицеров, — другими словами, посылают в сражение необученных людей, что одно сословие поставляет барабанщика, а другое — барабан и т. п., что ввиду многочисленности сословий, посылающих отдельные контингенты, солдаты неодинаково вооружены, обучены и т. п., не знают часто своих офицеров, что каждое сословие имеет, собственно говоря, право самостоятельно поставлять провиант, в результате чего возникают большие беспорядки по службе, перегруженность армии гражданскими лицами и обозом, не говоря уже о ненужных расходах. В соответствии с правовой теорией, к каждому пикету из 20-ти человек различных сословий должны быть прикреплены 20 человек, ведающих провиантом, пекарей и пр. Имперский сословный матрикул составлен несколько веков тому назад, следовательно, совершенно не соответствует более теперешней величине и значению отдельных сословий и поэтому служит постоянным источником недовольств, жалоб и недоимок; в нем упоминаются области, географическое положение которых невозможно определить. Эти и множество других подобных обстоятельств слишком хорошо известны и перечисление их способно вызвать только скуку.

Если незначительность военных сил мелких сословий исчезает при их объединении в имперскую армию, то названные выше и бесчисленное множество других недостатков превращают эту армию в самую недееспособную из всех европейских армий, не исключая даже турецкой; даже самому наименованию имперской армии уготовлена печальная судьба. Если наименования других армий, даже армий чужих стран, вызывают представление о храбрости и грозности, то при одном упоминании в немецком обществе об имперской армии все лица оживляются, начинают сыпаться всевозможные шутки и каждый выворачивает на забаву общества весь запас своих анекдотов на эту тему. И если немецкий народ считают склонным к серьезности и неспособным к восприятию смешного, то забывают, вероятно, о фарсах, именуемых имперскими войнами, которые разыгрываются со всей внешней серьезностью при самом подлинном внутреннем комизме.

Несмотря на то что организация имперской армии со всеми протекающими отсюда последствиями несколько не изменилась к лучшему, желание немцев смеяться над ней уменьшилось вместе с пониманием всей глубины беды и позора Германии; и только благодаря тому, что при создавшемся положении в последней войне был принят ряд мер, противоречивших букве закона и конституции, например, в области снабжения армии провиантом, эти войска принесли некоторую пользу.

Еще больший вред, чем все перечисленные недостатки в организации имперской армии, заключается в том, что армия эта по существу никогда полностью не собиралась; и это с наибольшей очевидностью свидетельствует о распаде Германии на отдельные независимые государства.

Теоретически, согласно основным законам, имперская армия могла бы олицетворять собой грозную силу; однако практика, этот могущественный принцип немецкого государственного права, свидетельствует о совершенно противоположном. И если мы часто видим на полях сражения огромную массу немецких солдат, то не может быть никакого сомнения в том, что они не сражаются в качестве имперской армии, не защищают Германию, а раздирают ее на части. То, что именуется германской конституцией,

не только не способно предотвратить подобные войны, но дает им санкцию права и закона.

Еще меньше значение немецкой армии, когда она выступает для защиты Германии, ибо если каждый из пяти контингентов — Бранденбурга, Саксонии, Ганновера, Баварии и Гессена — уже сам по себе образует войско, а все вместе они составляют огромную армию, внутри которой потонула бы неумелость включенных в нее небольших контингентов, то вся беда заключается в том, что они подчинены совсем не законам Германии, а их содействие ее защите столь же ненадежно и случайно, как содействие армии любой другой державы.

Что касается больших контингентов, то империя не может рассчитывать ни на их установленную законом силу, ни на то, что они вообще будут поставлены; не исключено также, что сословие, пославшее контингент, не заключит в разгар войны, в самый опасный ее момент, сепаратный договор о нейтралитете и мире с врагом империи, предоставив сражающиеся войска других сословий их собственной слабости и сокрушающей силе врага. (К названным контингентам мы не причисляем Австрию, ибо император в качестве монарха других государств вынужден из-за слабости и ненадежности имперской армии усиливать австрийский контингент значительно больше, чем того требуют его сословные обязательства, невольно предоставляя Германии возможность пользоваться плодами усилий, прилагаемых властью иного происхождения.)

Несмотря на то что в имперских законах право сословий заключать союзы с иностранными державами и делать выбор между чужими странами и Германией ограничено оговоркой⁹, «поскольку подобные союзы не противоречат обязанностям по отношению к императору и империи», на практике эта оговорка стала в качестве правового положения носить неопределенный характер или совсем устраняться; причем это касается не только совершаемых действий: сами решения сословий, принятые в рейхстаге, могут сводиться к тому, что заключенные ими союзы не позволяют им принимать участие в формировании имперских контингентов и вносить свой вклад в ведение войны.

Отказ наиболее значительных сословий участвовать в общей защите вызывает у остальных ощущение беспомощности, которое побуждает их также уклоняться от грозящих им бед и опасностей и тем самым и от своих обязательств перед государством. Да и странно было бы действительно требовать, чтобы они полагались на защиту, которая, как всему миру известно, никого не защищает, участвовали бы в защите, которую, разрешая заключение сепаратных договоров, отвергают законы и право. При таких обстоятельствах более слабые сословия неизбежно ищут защиты у более сильных, которые к тому же находятся в дружественных отношениях с врагом, и тем самым способствуют еще большему сокращению общих сил: могущественные же сословия выигрывают не только от того, что им не приходится затрачивать усилия, но получают за свою пассивность определенные преимущества от врага; ослабляя армию и лишая ее тех, кого они вынудили перейти под их защиту, они извлекают пользу и из подопечных как возмещение за эту защиту.

Если оказывается, что ряд больших контингентов действительно объединился, то неопределенность их положения и неуверенность по поводу того, что они не будут отозваны, служит препятствием для совместной деятельности. Отсутствует свободная диспозиция этих воинских частей, необходимая для уверенного проведения стратегического плана, и для реализации плана не только похода, но даже отдельных операций, не столько даются приказы, сколько ведутся переговоры. Дело не обходится без подсчетов, не слишком ли часто посылают в бой контингент одного сословия, тогда как других шадят, нарушая этим равноправие, — в армиях же других государств спорят обычно за право занимать в бою наиболее опасное место, а неудовольствие возникает из-за недостаточного использования в сражениях.

Соперничество между отдельными воинскими отрядами, рассматривающими себя как отдельные нации, постоянная возможность того, что они в критический момент уйдут с поля сражения, — все это неизбежно приводит к тому, что значительная по своей численности и военному составу имперская армия не может достигнуть необходимых результатов.

Военная слабость Германии не является следствием трусости и военной непригодности ее подданных или незнания тех современных методов ведения войны, которые являются столь же необходимым условием победы, как личная храбрость: имперские контингенты проявляют при малейшей возможности величайшую храбрость и готовность к самопожертвованию, доказывая, что они достойны своих предков и прежней военной славы Германии; но из-за характера организации целого и общего распада все усилия и жертвы как отдельных людей, так и отдельных подразделений оказываются тщетными, заранее обреченными на неудачу; над ними как бы тяготест проклятие, уничтожающее все плоды их стремлений и уподобляющее их землепашцу, засеивающему море или вспахивающему скалу.

ФИНАНСЫ

В таком же состоянии, как военные силы немецкого государства, находятся и его *финансы*; между тем, после того как в европейских государствах в большей или меньшей степени была уничтожена ленная система, финансы стали существенной частью того могущества, которым должна непосредственно располагать верховная государственная власть.

По отношению к той крайности финансового устройства, когда каждый расход, совершаемый государственным должностным лицом, вплоть до рядового деревенского судьи, стряпчего или еще менее значительных служащих, любая трата для удовлетворения общественных потребностей, даже если она ограничена рамками деревни, а также каждый вид доходов, которые сначала в качестве налогов поднимаются до вершины государственной власти, а затем, возвращаясь в качестве государственных расходов, проникают во все мельчайшие разветвления общественной деятельности, проходят через всю совокупность законов, декретов, расчетов и чиновников, причем ни одна коллегия этих чиновников не составляет высшего ведомства по какому-либо кругу вопросов,— по отношению к этой крайности отсутствие финансовой системы в Германии составляет другую крайность.

Важные вопросы государственного характера и проблемы, связанные с установлением наиболее справедливых и наименее разорительных, равномерно распределенных между сословиями налогов, с государственным долгом, кредитом, — подобные и иные вопросы такого рода, которые в других государствах требуют привлечения наиболее талантливых людей и при совершении какой-либо ошибки имеют роковые последствия, не обременяют Германию. Здесь не только отсутствует всякое вмешательство государства в публичные расходы — деревня, город, цех и т. д. сами ведают своими финансовыми делами, правда, под общим контролем, однако не по прямому приказу государства, — но и вообще не существует организации финансов, которая отражала бы непосредственные интересы государственной власти.

Постоянные финансы Германии ограничиваются по существу *камеральными налогами*, уплачиваемыми сословиями для содержания имперского суда. Они очень просты, и, для того чтобы ведасть ими, не требуется Питт¹⁰.

Регулярные расходы, связанные с существованием другого высшего суда империи, полностью падают на императора. В новое время была предпринята попытка основать для покрытия такого рода расходов фонд посредством распродажи возвращенных имперских ленов.

Даже по поводу единственного финансового мероприятия, имперского налога, раздаются постоянные жалобы на то, что этот налог нерегулярно поступает; для характеристики немецкого государственного устройства показательна та причина, по которой Бранденбург не платит повышенные налоги, декретированные рейхстагом несколько лет тому назад: обосновывается это неуверенностью в том, обязательно ли для члена рейхстага решение большинства в таком вопросе, как участие в покрытии государственных расходов. Там, где высказывается подобное сомнение, отсутствует то, что составляет государство, а именно — единство по отношению к государственной власти.

Соответственно принципу ленного устройства *контингенты* войск оплачиваются и снабжаются всем необходимым самими сословиями. Уже выше было упомянуто, что в последней войне крайняя необходимость побудила ряд

сословий отказаться от этого предоставляемого им права и найти удачный выход в частном соглашении с главой империи по поводу совместной поставки провианта; и мелкие сословия также не воспользовались на этот раз своим правом самим посылать солдат на поле боя; они вошли в соглашение с более крупными сословиями, по которому последние заботились о формировании требуемых с мелких сословий контингентов. Из этого следует, что если здесь и мерцает некая возможность замены предоставляемых сословиями контингентов и всего для них необходимого денежными суммами, поступающими в общий центр, который берет на себя все дела и распоряжения, если это и можно рассматривать как начальную стадию в процессе преобразования единичных, по существу едва ли не личных повинностей, в подлинно государственную структуру военного дела и финансов, как передачу названных областей в ведение верховного главы государства, посредством чего только и может реализовать себя понятие государства, то все это либо касается незначительных сословий, либо является делом преходящего случая.

Что касается расходов, относящихся к тем сторонам современной войны, которые не исчерпываются поставкой солдат, расходов, охватываемых понятием *римских денег*, то с ними дело обстоит так же, как с поставкой контингентов. По подсчетам кассы военных операций Германской империи оказалось, что поступило около половины утвержденной суммы. В течение последних месяцев войны до открытия Раштатского конгресса в официальных сообщениях о наличии кассы называлась сумма в 300, 400 гульденов; и если в других государствах наличные фонды главной военной кассы не предаются гласности, особенно если они столь незначительны, то это сообщение не оказало влияния ни на военные операции врага, ни на его попытки заключить мир с Германской империей.

Одни и те же принципы лежат в основе того, что решения большинства не имеют обязательной силы для меньшинства (ввиду иных обязательств можно не платить римские деньги в размере, установленном большинством) и применительно к военным обязательствам сословий.

Если когда-либо в области финансов и наблюдалось действие своего рода государственной власти, что находило свое выражение в *имперских пошлинах*, налогах имперских городов и т. п., то подобные времена были настолько далеки от идеи государства и понятия всеобщего, что эти доходы рассматривались как частная собственность императора; император мог продавать эти доходы и, что уже совершенно невероятно, сословия могли их покупать или превращать в не подлежащий последующему выкупу залог; подобно этому и непосредственная государственная власть покупалась или принималась в виде залога — более яркое проявление варварства в народе, образующем государство, трудно себе представить.

Нельзя, впрочем, отрицать, что время от времени ощущалась потребность создать в Германии государственные финансы и что высказывались предложения по вопросу об образовании источников доходов для империи как государства. Однако поскольку сословия отнюдь не стремились к тому, чтобы учредить финансовую власть такого рода посредством налогового законодательства, ибо тем самым возникло бы нечто, напоминающее государственное учреждение, то потребовалось решить двоякую задачу — создать постоянный государственный фонд и не обременить, ничем не связать сословия. Последнее соображение было наиболее серьезным, а все то, что относилось к целому, было не более чем благое пожелание (за подобными пожеланиями, высказанными в сверхпатриотических тонах и выражениях, обычно скрывается глубокое внутреннее равнодушие и уж, безусловно, твердая решимость ничем не поступиться для осуществления этих пожеланий); нет никакого сомнения в том, что если в момент, когда империя занята устройством своих финансов, нашелся бы человек, который в среде добрых немецких граждан высказал бы пожелание, чтобы в Германии возвысилась гора золота, и чтобы каждый дукат, отчеканенный из этого золота и не использованный при первой же трате на благо империи, сразу же превратился в воду, что подобный благожелатель был бы объявлен величайшим из всех когда-либо существовавших немецких патриотов, ибо ощущение, что тем самым ничего не

придется платить, возникло бы раньше, чем понимание, что при осуществлении подобного пожелания ни один пфенниг не поступит в имперскую казну; если же подобное понимание все-таки осенило бы имперских граждан, то они обнаружили бы, что высказано лишь то, к чему они, невзирая на их разглагольствования, по существу стремились.

Оставляя это в стороне, следует указать, что прежние рейхстаги изыскивали для подобного фонда не идеальные, фантастические источники, а действительно существующие земли, т. е. реальности, способные без каких-либо жертв со стороны сословий покрыть государственные расходы, подобно тому как охотники того времени оплачивали свои счета не вымышленным, а вполне реальным медведем.

Несколько столетий назад вышел закон, согласно которому для создания имперского фонда предназначаются все земли, которые когда-либо отошли к другим государствам, *если* Германская империя вновь завоюет их; и если в ходе войн создавалась возможность вновь присоединить эти земли к империи, то последней всегда удавалось потерять еще большее количество земель, увеличив тем самым имперский фонд. Поэтому и потерю левого берега Рейна следует рассматривать в благоприятном свете, поскольку и эта утрата может служить путем к созданию имперского финансового фонда.

Если подобные, вполне основательные для своего времени идеи (причем нет никакого сомнения в том, что и теперь немецкий ученый в области государственного права, которому укажут на катастрофическое положение немецких финансов, безусловно, сошлется, настаивая на совершенстве и этой области немецкого государственного устройства, на плодотворность описанного нами метода), если подобные идеи еще способны в данной политической ситуации Европы и Германии породить в душе немецов надежду, основанную на их сангвиническом характере, то при серьезном рассмотрении вопроса, обладает ли Германия в настоящее время той мощью, которая в наше время является непременным атрибутом государства, мощью финансовой, эти идеи не могут быть приняты в расчет.

Некогда, если какое-либо сословие несло государственные расходы не в войне с чужеземным государством, а при подавлении мятежа восставшего и объявленного вне закона сословия, существовал особый способ возмещения этих общих расходов тому, на кого они пали. Если, например, решения по объявлению вне закона и другие распоряжения имперских судов действительно *выполнялись*, что не всегда случалось, то издержки падали на побежденную партию, конечно, в том случае, если эта победа была не только юридической, но и фактической. В Семилетней войне¹¹ имперское экзекуционное войско не получило возмещения убытков, несмотря на затраченные им усилия. Этот способ оплачивать расходы по выполнению судебных решений служил в прежние времена мощным стимулом действий и в ряде случаев позволял действительно провести в жизнь подобные приговоры, поскольку сторона, исполняющая решения, могла без каких-либо дополнительных санкций или исчислений захватить земли побежденной стороны; именно таким способом к Швейцарии была присоединена большая часть владений Габсбургского дома, к Баварии — Донауверт и т. д.

Масса людей, которая вследствие распада военных сил и недостатка в финансах не сумела создать государственную власть, не способна и сохранить свою независимость перед лицом внешнего врага. Такая страна неизбежно, если не сразу, то постепенно, станет свидетелем уничтожения своей независимости, в войне ее ждут грабежи и опустошения, на нее падут все военные издержки друзей и врагов, ее провинции будут захвачены иностранными державами; поскольку же государственная власть над отдельными ее частями будет уничтожена, а верховное владычество над вассалами утеряно, она превратится в конгломерат суверенных государств, которые в качестве таковых строят свои взаимоотношения на силе и хитрости,— более сильные из них расширяются, поглощая более слабых, и в свою очередь оказываются беспомощными перед могущественной державой.

ИМПЕРСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Земли, которые Германская империя теряла в течение ряда веков, составляют длинный, грустный список. Специалисты в области государственного права вынуждены заниматься описанием лишенных всякого содержания и значения признаков — в качестве инсигний того, что было, — и притязаний; отчасти это объясняется тем, что законы государства и организация государственной власти полностью потеряли свое значение и дают либо весьма незначительный материал для исследования, либо вообще его не дают; отчасти же тем, что эти притязания вызывают состояние умиротворяющей растроганности, подобное тому, которое заставляет обедневшего аристократа хранить портреты своих давно умерших предков, — преимущество подобного утешения заключается в том, что его никто не нарушает и на него никто не посягает. В такой же мере, как эти портреты не способны обеспокоить своими возражениями теперешних владельцев их рыцарских поместий, и государственно-правовые притязания Германской империи не могут вызвать опасения какого-либо серьезного протеста ни у одного министра — оба они, и аристократ, и ученый в области государственного права могут спокойно предаваться своим невинным и безобидным развлечениям.

Специалистам по государственному праву, которые находят удовлетворение в обосновании притязаний Священной Римской империи германской нации на Венгрию, Польшу, Пруссию, Неаполь и пр., можно указать на то, что эти права и политически несостоятельны, ибо принадлежат не Германской империи как таковой, а римской императорской власти и являются достоянием главы всего христианского мира и владыки всех стран: римский император и король Германии, разделенные в титуле, различны и по существу. Ни интересам, ни воле Германской империи (а впоследствии и ее силе) не отвечает посягательство на то, что являлось прерогативой верховной власти императора, на подобное противоестественное объединение стран, далеких от нее как по своему географическому положению, так и по характеру заселяющих их народов, тем более что империя не хотела и не могла

сохранить даже те земли, которые являлись ее составной частью.

Следы связи с Ломбардским королевством сохранились вплоть до последнего времени; однако считать его существенной частью собственно немецкого государства нельзя, хотя бы по одному тому, что оно было самостоятельным королевством, а что касается прав имперских сословий, предоставленных некоторым его землям, то они уже давно потеряли свою силу.

Если обратиться к землям, действительно входящим в состав Германской империи, обладающим правами имперских сословий и эти права осуществляющим, то почти каждая война, которую вела империя, завершалась потерей ряда этих земель.

Подобная потеря может быть двоякой: помимо действительного подчинения немецких земель чужой власти и полного отпадения их от империи, отказа от всех своих прав и обязанностей по отношению к ней, потерей этих земель для государства следует считать и то состояние, когда многие земли внешне сохраняют все прежние правовые обязательства по отношению к императору и империи, но получают князей, которые, становясь членами империи или продолжая ими состоять, одновременно являются монархами независимых государств. Именно это обстоятельство, которое как будто не может быть отождествлено с потерей и внешне все оставляет без изменений, подорвало самые основы государственного единства, поскольку такие земли по существу обрели независимость от государственной власти.

Не обращаясь к событиям давнего времени, мы дадим лишь краткий обзор того, как начиная с Вестфальского мира складывалось бессилие Германии и формировалась ее неизбежная судьба, выразившаяся в ее взаимоотношениях с другими странами; речь может, конечно, идти только об утрате Германией земель по мирным договорам, ибо ущерб, нанесенный войной, остается неизмеримым.

По Вестфальскому миру Германская империя лишилась не только всякой связи с Объединенными провинциями Нидерландов, но и с Швейцарией, независимость которой давно уже существовала в действительности, теперь же была признана и формально; здесь шла речь о

потере не владений, а притязаний, самой по себе незначительной, но для Германской империи чрезвычайно важной — ведь она неоднократно демонстрировала, насколько химерические притязания и права, лишенные всякой реальности, для нее важнее действительного владения.

Так, теперь Германия формально уступила Франции епископства Мец, Туль и Верден, потерянные ею уже сто лет тому назад. Реальной потерей для империи была уступка ландграфства Эльзас, поскольку оно принадлежало Австрии, и имперского города Бизанц, который отошел к Испании.

Эти земли порвали всякую связь с Германией, однако значительно большее количество земель, юридически и теоретически сохранивших свою зависимость от империи, на практике скоро отделились от нее, поскольку их князья были одновременно монархами других стран. К Швеции отошла западная и часть восточной Померании, Бременское архиепископство, епископство Верден и город Висмар. К бранденбургскому маркграфу, герцогу, а впоследствии королю Пруссии — Магдебургское архиепископство, епископства Хальберштадт, Каммин и Минден.

Если бы бранденбургский князь и не был одновременно суверенным монархом, то сокращение числа немецких сословий и их объединение имело бы примерно такие же последствия: возникла бы государственная власть, которая могла отказать в повиновении государственной власти Германии и оказать ей то противодействие, которое, будучи разделенной между многими правителями, она оказать не могла. Помимо этих приведенных выше сокращений имперских владений, был потерян еще ряд сословий — Шверин, Рацебург и пр.

Столь же катастрофичным для немецкого государства было то обстоятельство, что после того как чужеземные правители силою или по просьбе отдельных сословий вмешались во внутренние дела Германии, опустошили ее и почти продиктовали ей условия мира, Германская империя сделала их, по этому мирному договору, гарантами своего государственного устройства и внутренних отношений, признав тем самым свою неспособность сохранить себя как государство и обеспечить прочность своего го-

сударственного устройства и предоставив чужим решать в своих интересах ее внутренние дела.

Ослабило государственную власть Германии также предоставление ряду земель права апелляций, а некоторым также право выбора имперского суда, перед которым ответчик готов предстать, — оттягивая свое решение, ответчик еще более задерживает ход судебного дела; и еще в большей степени, чем все это, постановление о том, что при обсуждении в рейхстаге не только вопросов религии (причем таких, которые касаются внешней, чисто светской, ее стороны), но и других вопросов, затрагивающих интересы государства в целом, решение большинством голосов не является обязательным для каждого; а также решение, по которому Германская империя не имеет больше права выкупать свои суверенные права, отданные ею в залог имперским городам, и т. д.

Следующий мирный договор, Нимвегенский¹², заключенный без имперской делегации и исключавший возможность протеста со стороны империи, лишил ее суверенитета над Бургундским графством; ряд областей северной Германии оказались под властью новых правителей, а в южной Германии были изменены оккупационные права Франции в немецких крепостях.

Однако помимо этих потерь, понесенных империей по условиям мирных договоров, здесь обнаруживаются совершенно невероятные, едва ли мыслимые в других странах происшествия: в период нерушимого мира, после заключения Нимвегенского договора, десять имперских городов в Эльзасе и ряд других областей отошли к Франции.

При заключении Рисвикского мира¹³ имперская делегация присутствовала, но к переговорам с иностранными послами не допускалась: ее информировали о самочувствии имперского посла и обращались к ней только для того, чтобы она выразила свое согласие. Этот мирный договор подтвердил передачу Франции названных областей, империи же предоставил крепость Кель; в нем-то и содержалась знаменитая оговорка о религиозных порядках в завоеванных, возвращенных Францией землях, столь занимавшая протестантские сословия и послужившая одной из причин многочисленных бедствий Пфальца.

В баденских мирных переговорах¹⁴ имперская депутация участия не принимала, и этот мирный договор не принес империи особых изменений. Австрии были возвращены Брейзах и Фрейбург.

Это, собственно говоря, последний мир, заключенный Германской империей. Не обнаруживая в хронологической таблице, посвященной истории Германской империи от Баденского мира до Семилетней войны, ни объявления войны, ни заключения мира, можно было бы предположить, что в этот длительный период Германия наслаждалась нерушимым миром; в действительности она по-прежнему была ареной битв и подвергалась опустошениям.

Мирные договоры, заключенные Швецией после смерти Карла XII¹⁵ с Ганновером, Пруссией, Данией и Россией, лишили ее не только того места среди европейских держав, которое она заняла благодаря своему храброму королю, но и ее власти в Германии; однако Германия от этого ничего не выиграла, ибо земли, потерянные Швецией, отошли к немецким князьям, представлявшим собой не меньшую угрозу для единства Германии.

По Венскому миру¹⁶ Германия потеряла только связь с Лотарингией, которая и до этого не была прочной; до ратификации этого мира империей дело не дошло.

В войне за австрийское наследство Германия длительное время служила театром военных действий и подвергалась опустошению. Все наиболее крупные князья империи были втянуты в эту войну, на ее земле сражались армии чужеземных монархов, но Германская империя, невзирая на это, находилась в состоянии нерушимого мира. В этой войне Пруссия — держава, занявшая место Швеции, расширила свои владения.

Значительно большие опустошения принесла Германии, особенно северным ее землям, Семилетняя война. Правда, на этот раз Германская империя в войне участвовала, выполняя функции эскадронной армии, однако ее враги не сочли нужным признать, что она является воюющей стороной, или заключить с ней мир.

И наконец, Люневильский мир лишил Германию не только многих прав верховного господства в Италии, но и левого берега Рейна и, уменьшив число немецких князей, положил начало процессу дальнейшего сокращения

имперских сословий и превращения отдельных частей государства в грозную силу, противостоящую как государству в целом, так и более мелким сословиям.

Если страна, половина которой занята в войне внутренними дрязгами, пренебрегает общими мерами по защите государства и, сохраняя нейтралитет, отдает другую половину во власть врага, она должна быть в ходе войны обескровлена, а при заключении мира раздроблена, ибо сила страны состоит не в количестве ее жителей и солдат, не в плодородии земли и не в величине территории, а в том, как посредством разумного соединения частей в единую государственную власть все это используется для реализации великой цели — совместной защиты.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Германия не образовала государственной власти в области военного и финансового дела и поэтому не может считаться государством, а являет собой лишь конгломерат множества независимых государств, из которых большие независимы и в своих внешних отношениях, а меньшие присоединяются к могущественным союзам; ассоциации же, возникающие время от времени для осуществления какой-либо определенной цели под названием Германской империи, всегда носят частный характер, заключаются по желанию самих союзников и лишены всех тех преимуществ, которые создают коалиции держав. Ибо в подобных коалициях — пусть они даже непродолжительны или в ряде случаев, например, в военное время, не оказывают такого воздействия и не ведут к столь очевидному успеху, как при концентрации всей власти в одних руках, — разумно применяются все необходимые меры и средства для осуществления поставленной коалицией цели, которой все подчинено. Коалиции же немецких сословий связаны таким количеством формальностей, соображений и бесконечных специально созданных для этого меропрятия ограничений, что всякая коалиционная деятельность парализуется, и уже с самого начала становится невозможным достичь того, для чего эта коалиция была создана.

То, что Германская империя совершает в качестве таковой, никогда не бывает деятельностью единого целого — это деятельность ассоциаций больших или меньших размеров.

Средства же, применяемые союзниками для того, чтобы достигнуть желаемого результата, выбираются не соразмерно цели, а в соответствии с главной и единственной заботой — сохранить между членами ассоциации такие взаимоотношения, которые способствовали бы их разобщению и препятствовали единению.

Такого рода ассоциации подобны груде круглых камней, складывающихся в пирамиду; поскольку этим камням предназначено остаться круглыми и непригнанными друг к другу, они сразу же рассыпаются, не будучи способны оказать противодействия, как только пирамида приходит в движение для осуществления той цели, для которой она была создана. Вследствие этого подобные государства не только лишаются громадных преимуществ, присущих единому государству, но и преимуществ независимости — возможности объединиться с другими государствами для достижения определенных совместных целей: ибо на этот случай они заранее заковали себя в кандалы, в результате чего все их объединения ни к чему не приводят и уже с самого начала обречены на провал.

Несмотря на то что немецкие сословия тем самым устранили возможность своего объединения и закрыли себе путь даже к тому, чтобы в случае необходимости объединиться на разумной основе для достижения временных, преходящих целей, требование считать Германию государством сохраняет свою силу. Выдвигается противоречивое требование — определить положение сословий таким образом, чтобы существование государства было невозможно, и вместе с тем считать Германию государством, рассматривать ее как единый организм. Этот дух, заставляющий Германию колебаться между желанием сделать государство невозможным и желанием быть государством, испокон веков бросал ее в бездну непоследовательности; он был причиной ее несчастий, порожденных подозрительностью сословий по отношению к любой попытке подчинить их целому и невозможностью для государства существовать без этого подчинения.

Решение проблемы, каким образом Германия может не быть государством и тем не менее быть им, очень проста — она является государством мысленно и не является им в действительности; формальность и реальность разделяются таким образом, что пустая формальность принадлежит государству, реальность же — его отсутствию.

Системе мысленного государства соответствует такое правовое устройство, которое во всем том, что определяет сущность государства, не имеет силы. Обязанности каждого сословия по отношению к императору и империи, к верховной правительственной власти, которая состоит из главы государства и сословий, точнейшим образом определены бесконечным количеством торжественных основополагающих законодательных актов. Эти права и обязанности составляют систему законов, точно устанавливающую государственно-правовое положение каждого сословия и его неперемennые обязанности; и вклад каждого отдельного сословия в государственное целое должен точно соответствовать этим предписаниям законов. Однако сущность этих установлений заключается в том, что государственно-правовое положение сословий и их обязанности определяются не подлинными, общими законами, но отношение каждого сословия к целому рассматривается так, как это делается в гражданском праве, в качестве особенного, в форме собственности. Тем самым оказывается серьезное воздействие на природу государственной власти.

Акт, исходящий от государственной власти, есть акт всеобщий, и вследствие своей истинной всеобщности он содержит в себе и правило своего применения. Все то, к чему он относится, есть всеобщее, самому себе равное. Акт государственной власти привносит свободную и всеобщую определенность, и его осуществление является одновременно его применением, так как его применение (поскольку в том, к чему он применяется, не заключено ничего различного) должно быть определено в самом акте, и его применению не противостоит какой-либо неподатливый и разнородный материал.

Если государственная власть постановляет, что каждый сотый мужчина определенного возраста должен быть

призван на военную службу, что должен быть уплачен определенный процент с имущества и определенная подать с каждой гуды земли, то объектом декрета являются люди определенного возраста, имущество или земля в самой общей форме и здесь нет никакого различия между теми или другими людьми, тем или другим имуществом, той или другой землей. Определенность, падающая на однородную поверхность, может быть непосредственно установлена государственной властью. Сотый человек, пятый процент и т. п. суть эти вполне общие определенности, которые могут быть привнесены в однородный по своему характеру материал без специального указания о его применении: ибо здесь нет описаний каких-либо линий, которые следует сначала устранить или с которыми следует согласовать линии, данные в определении, подобно тому как на стволе дерева проводится линия, по которой его надлежит срубить.

Но если то, к чему должен быть применен закон, определено для самого этого закона многообразно, то закон не может полностью содержать в себе правило своего применения; напротив, в этом случае для каждой особой части материала должно быть особое применение, и между законом и его исполнением вклинивается особый акт применения закона, который входит в ведение судебной власти.

Поэтому имперский закон не может предначертать общий распорядок линий и разделов, подобно тому как их можно было бы нанести на чистую доску, или осуществить действительное мероприятие согласно общему для всех правилу; имперскому закону материя, которая является его объектом, противостоит в ее специфических, ранее сложившихся определенностях, и прежде чем закон может быть осуществлен, необходимо выяснить, как привести в соответствие с линиями и образами, предписанными законом, те особенные линии и образы, которые существуют в отдельных частях, или насколько общий закон обязателен для каждой из них. Если выявляются противоречия, то их устраняет судебная власть, но в ходе этого устранения противоречия оказывается, что в результате этого вмешательства, во-первых, мало что может быть установлено; во-вторых, то, что установлено теорети-

чески, не получает своей реализации, остается чисто мысленным установлением; и наконец, все дело устранения противоречий вообще лишь незначительно выходит за рамки полной невозможности, поскольку особая определенность, которой обладает материя, относится к общему закону, как кривая к прямой, и несовместимость этой определенности общего материала, на который должна воздействовать государственная власть, и закона этой власти тем самым заранее предрешена. В нашем сопоставлении мысленное государство и система государственного права и государственных законов — прямая линия, а то, в чем это мысленное государство должно быть реализовано, имеет форму окружности; между тем известно, что подобные линии несоизмеримы. При этом окружность не создает эту несоизмеримость с прямой линией *de facto*, она не прибегает к каким-либо формам насилия, беззакония или произвола; напротив, ее существование в качестве линии, не соизмеримой с прямой, возведено в право: она действует в соответствии с правом, вступая в противоречие с государственным правом, действует законо — вступая в противоречие с государственными законами.

Итак, решить проблему, как Германии быть государством и одновременно не быть им, можно только одним способом: поскольку Германия является государством, она является им только мысленно, несуществование же ее в качестве государства должно быть реальностью. Для того чтобы это мысленное государство существовало, судебная власть, которой надлежит снять противоречие и применить к действительности то, что является только мыслью, т. е. реализовать эту мысль и привести действительность в соответствие с ней, эта судебная власть должна обладать такими свойствами, благодаря которым и ее применение является только мыслью, и, следовательно, общие распоряжения, посредством которых страна превратилась бы в государство, неминуемо должны быть парализованы в стадии их реализации; эта реализация, правда, установлена и предписана, ибо распоряжения, не предназначенные к проведению в жизнь, бессмысленны, но самый акт этой реализации также превращен в мысленный акт.

Парализация этого практического осуществления может произойти на любой его стадии. Принимается общее постановление, оно должно быть осуществлено; в случае отказа вопрос решается в судебном порядке, если отказ выполнить распоряжение не рассматривается судом, то оно кладется под сукно, если же отказ подвергается судебному разбирательству, то можно воспрепятствовать вынесению решения; если же решение суда состоится, то оно не выполняется. Однако поскольку это мысленное решение должно быть приведено в исполнение, а виновный должен понести наказание, издается приказ о принудительном выполнении принятого решения. Этот приказ также не выполняется; поэтому за ним следует решение, направленное против лиц, не выполняющих приказ, которое должно принудить их к его выполнению. Это решение также не выполняется, поэтому издается декрет о применении наказания к тем, кто не применил его, чтобы принудить их выполнить это решение. Такова скучная история о том, как меры, предназначенные для приведения в действие закона, одна за другой превращаются в чисто мысленный акт.

Если, следовательно, судебной власти надлежит сопоставить обязанности сословий по отношению к империи с их особыми правами и противоречие между теми и другими действительно станет делом судебного разбирательства, то сама организация суда, независимо от выполнения его приговора, может быть такова, что даже вынесение приговора натолкнется на ряд препятствий, и даже этот не приведенный в исполнение приговор, остающийся сам по себе просто мыслью, не может быть вынесенным даже в этом своем мысленном образе, и сама мысль не выйдет за пределы мысленного представления о ней.

Что касается вынесения приговора, то сама организация судебной власти носит такой характер, что ее наиболее существенная задача, о которой здесь идет речь,— обеспечение выполнения общих распоряжений государства, которое оно в качестве государства предъявляет к отдельным своим частям,— встречает серьезнейшие препятствия. В судебной власти смешано судопроизводство гражданско- и государственно-правового характера. Государственное и частное право отдано в ведение одних

и тех же судов. Имперские суды являются высшими апелляционными инстанциями как для судебных тяжб граждан, так и для защиты государственных прав. Объем их власти в области государственного права, сам по себе весьма ограниченный, ибо наиболее важные вопросы этого рода рассматриваются рейхстагом, а многое из того, что должно было бы находиться в их ведении, решается инстанциями третейского суда — наталкивается на бескопечные препятствия даже при вынесении приговора и зависит от множества случайностей, которые становятся необходимыми предпосылками бездействия этих судов.

Объединение судопроизводства по гражданскому и государственному праву ведет к такому увеличению круга дел, подлежащих рассмотрению имперских судов, что они просто не в состоянии с этим справиться. Императором, империей и камеральным судом признано, что последний еще в меньшей степени, чем рейхсгофрат, способен справиться со своими делами.

Нет, казалось бы, более уместного в данном случае и простого средства для устранения этого недостатка, если уж нельзя увеличить число отдельных судов, чем увеличение числа судей в существующих судах, чтобы тем самым ускорить непосредственное рассмотрение дел и разделить данную судебную инстанцию на несколько отделов, что по существу было бы равноценным увеличению числа судов. Однако в Германии такое простое средство не может быть применено. Правда, было принято решение, чтобы число заседателей камерального суда было доведено до пятидесяти, но Германская империя не сумела найти средств для оплаты их труда. Со временем их число упало до двенадцати и ниже, затем, наконец, достигло двадцати пяти.

Официальные данные свидетельствуют о том, что количество ежегодно поступающих на рассмотрение суда дел намного превышает те, по которым вынесено решение, и это в том случае, если следствие по одному делу идет не годы, как это иногда случалось, а заканчивается в несколько месяцев; в результате всего этого, как показывают подсчеты, тысячи судебных дел неизбежно остаются нерассмотренными и ходатайства, — пусть даже

наибольшие злоупотребления, связанные с ними, устранены, и евреи больше не делают их предметом торговли — остаются неизбежным злом; ибо, поскольку все переданные в суд дела рассмотрены быть не могут, каждая партия вынуждена прилагать все усилия к тому, чтобы добиться судебного решения по своему делу.

Тысячи других коллизий, связанные с представлениями членов суда, с *itio in partes*, часто в течение многих лет приостанавливали деятельность имперского камерального суда и препятствовали отправлению правосудия даже помимо тех случаев, когда этот суд сам намеренно создавал проволочки, чтобы заставить могущественных представителей знати ощутить всю меру его власти.

Поскольку в рейсхгофрате, члены которого назначаются императором, ряд перечисленных выше недостатков отсутствует — так, например, ни разу не было *itio in partes*, несмотря на формальное право подобного разделения, — и существуют формы, позволяющие ускорить непосредственное решение, не увязая в соблюдении формальностей, в последнее время естественно предпочитают обращаться к юрисдикции этого суда.

Потребность в улучшении юстиции была всегда настолько очевидна, что не заниматься этой проблемой было невозможно; результаты последней попытки Иосифа II¹⁷ провести соответствующее имперским законам, но ни разу за последние двести лет не применявшееся обследование камерального суда и причины того, что участники этого обследования разошлись, ничего не предприняв, по существу сводятся к состоянию имперской юстиции в целом, когда сословия, правда, объединяются для отправления правосудия, но при этом не проявляют ни малейшей склонности поступиться чем-либо в своем обо-собленном, основанном на чисто личных интересах существовании, когда они объединяются, не желая прийти к совместному решению.

Тем самым затрудняется даже вынесение судебного решения, не говоря уже о его выполнении. А как обстоит дело с приведением в исполнение приговоров имперских судов в тех случаях, когда речь идет о государственном праве или важных государственных делах, общеизвестно. Наиболее важные вопросы такого рода

вообще относятся к ведению не имперских судов, а рейхстага. Тем самым они переносятся из сферы права непосредственно в сферу политики; ибо там, где выступает верховная власть, государство говорит не о применении законов, а издает их.

Ряд особо важных вопросов, связанных с территориальным владением и т. д., изъят из ведения рейхстага, свободен и от этой формальной процедуры; в соответствии с избирательной капитуляцией и другими основными законами подобные вопросы решаются не имперскими судами и не высшей судебной властью, а посредством полюбовного соглашения между противоборствующими сословиями; если же сословия не приходят к соглашению, то дело неизбежно решается войной.

Так, дело о наследии Юлиха и Берга¹⁸ не могло быть решено правовым путем и в результате этого привело к Тридцатилетней войне¹⁹. И недавно в деле о баварском наследии²⁰ говорили не имперские суды, а пушки, решали не судьи, а политические деятели. В делах, затрагивающих интересы менее сильных сословий, окончательный приговор также выносит отнюдь не имперская юстиция. Известно, что в спорах о наследии саксонских домов из-за земель исчезнувших ветвей семейств Кобург — Эйзенберга и Ремгильда было принято 206 заключений рейсгофрата; но важнейшие пункты были тем не менее установлены в результате соглашения между сторонами²¹. Известно также, что в Люттихском деле²² имперский камеральный суд не только вынес приговор и проследил за его выполнением, заставив подчиниться ему ряд сословий, но что и сословия действительно выполняли предписанные им обязательства. Однако едва только было положено начало этому предприятию, как могущественнейшее среди исполнителей приговора сословие не захотело ограничиться положением простого исполнителя решения камерального суда и приступило к делу по собственному побуждению; когда же оказалось, что вне суда решить этот вопрос невозможно, оно вообще отказалось от своей роли исполнителя приговора.

Если в результате недоразумения между правителем и подчиненным складывается такое щекотливое положение, при котором посредничество может быть уместно,

то при наличии определенного решения суда посредничество, занимающее место принудительного исполнения приговора, меняет все состояние расследования дела и, создавая на минуту впечатление благоприятного воздействия, существенно нарушает важный принцип государственного устройства; более того, именно в подобных обстоятельствах обнаруживается, что этот принцип уже давно нарушен.

В этом вопросе необходимо, по-видимому, проводить определенное различие. Совершенно очевидно, что взаимоотношения между могущественными сословиями регулируются политическими соображениями. Мелкие же сословия, напротив, полностью обязаны своим существованием действию имперского права. Нет имперского города, который полагал бы, что может самостоятельно оказать сопротивление находящимся по соседству крупным сословиям; не считает возможным отстоять свое положение от посягательств князя и имперский рыцарь ни своими силами, ни в союзе с другими имперскими рыцарями. На это указывает само их наименование, и нет необходимости напоминать о судьбе имперских рыцарей во Франконии; попытку²³, подобную той, которая была предпринята Францем Зиккингеном, надеявшимся завоевать курфюршество, не говоря уже о самой возможности успеха подобной попытки, нельзя относить к числу возможного в наши дни; так же как и союзы имперских городов или аббатств не способны теперь к тем свершениям, которые удавались им в прежние времена.

Если отдельные сословия сохраняют свою независимость не благодаря своей мощи или мощи, складывающейся из их объединения, то, по-видимому, они обязаны своим существованием в качестве непосредственно подчиненных империи и в значительной степени независимых государств только имперскому союзу и созданному земским миром правовому устройству. Возникает вопрос, на чем же еще держится это так называемое правовое устройство, а вместе с ним и существование рыцарства, аббатств, имперских городов и т. д. Совершенно очевидно, что не на своей собственной мощи, ибо мощи государства нет; следовательно, также на политике. Если политику не рассматривают как непосредственную основу

существования менее могущественных сословий, то происходит это только потому, что обычно рассуждающие на эту тему останавливаются на имперском союзе, считая его основой — тогда как по существу он составляет только промежуточное звено — и забывая, на чем зиждется сам имперский союз.

Государства, подобно Лукке, Генуе и др., веками существовали, не вступая в имперский союз, пока они не разделили судьбу Пизы, Сиены, Ареццо, Вероны, Болоньи, Виченцы и т. д. и т. п., — в это перечисление могли бы войти все города, княжества и т. д. Италии. Существованию как будто достаточно могущественной республики, поглотившей в прошлом множество независимых городов, внезапно приходил конец с появлением адъютанта, который просто передавал приказ генерала чужеземной державы. Эти государства, которым по воле судьбы достались немногочисленные счастливые билеты, сулившие несколько более продолжительную независимость — тогда как сотни суверенных земель Италии вытянули в этой лотерее пустые билеты, — устояли только благодаря политическому соперничеству граничивших с ними крупных государств; в прошлом столетии они пытались бороться с этими превосходившими их по силе державами, но вскоре без каких-либо видимых потерь утратили всякую способность противостоять им. Однако политическое соперничество может найти свое умиротворение и в равной доле добычи, в равном увеличении или сокращении территории; в проистекающих отсюда комбинациях и столкновениях интересов погибли такие государства, как Венеция, Польша и др.

Преобразование кулачного права в политике не следует рассматривать как переход от анархии к упорядоченному государственному устройству. Изменяется не сущность принципа, а его внешняя сторона. До установления земского мира обиженная или стремящаяся к захватам сторона непосредственно прибегала к силе. Политик же, прежде чем нанести удар, рассчитывает, не желая из-за незначительной выгоды ставить на карту крупные интересы; однако там, где успех обеспечен, он не преминет извлечь из него пользу.

Поскольку множество немецких государств не облада-

ют достаточной мощью, независимость отдельных частей Германии останется неприкосновенной до той поры, пока это будет выгодно другим державам и они не попадут в орбиту столкновений высших интересов, прав на возмещение и т. п. Что касается подобных интересов, то Франция, например, уничтожившая, когда ее армия заняла половину территории Германии, независимые государства и непосредственно подчиненные империи сословия в Нидерландах и на левом берегу Рейна (по мирному договору они позже отошли к Франции), могла также упразднить и государства на правом берегу Рейна; и хотя подобное уничтожение независимости стольких княжеств, графств, епископств, аббатств, имперских городов, территориальных владений и не могло бы долго сохраняться, эти земли испытали бы тем самым еще значительно бóльшие беды, если бы Францию не удержали от этого политические соображения, а именно обязательства по отношению к Пруссии, а также опасения, что это может усложнить заключение мира и т. д. Известную роль играл и тот факт, что сохранение установленного порядка облегчает взимание контрибуции, которая, по официальным сообщениям французской прессы, шла с этих земель *в незначительном размере*.

Подобный переход от состояния прямого насилия к состоянию насилия рассчитанного произошел, разумеется, не внезапно, а посредством правового устройства. После введения земского мира Германию можно было, пожалуй, с бóльшим основанием считать государством, чем в наши дни. Ленное устройство раздробило государственную власть на множество частей; но ввиду большого их количества отдельные части не обладали достаточной силой, чтобы противопоставить себя целому. Однако Германии, очевидно, не было предназначено судьбой подобное состояние, ибо она вскоре преодолела свое стремление избежать бесправия, отказалась от попытки создать посредством земского мира прочную связь между отдельными частями; и более глубокие религиозные разногласия навеки разделили ее народ.

РЕЛИГИЯ

В бурях феодальных междоусобиц, когда и во взаимоотношениях между сословиями, и в их отношениях к целому царило полное беззаконие, внутренние узы целого тем не менее в какой-то степени сохранялись. Если выполнение обязанностей и зависело как будто не только от свободной воли сословий в целом, но и от воли отдельных лиц, а правовая связь казалась очень слабой, то в государстве, несмотря на все это, безусловно, существовало некое духовное единение людей. Общность религии и тот факт, что бюргерское сословие еще не достигло той стадии развития, когда оно привносит пестрое многообразие в сложившееся целое, позволяли князьям, графам и территориальным властителям ощущать свою близость друг к другу, воспринимать себя в качестве составных частей целого и поэтому и в своих действиях выступать как целое. В те времена не было противопоставленной отдельным индивидуумам и независимой от них государственной власти, подобной той, которая сложилась в современных государствах — государственная власть совпадала с властью и свободной волей отдельных людей. А эта воля отдельных индивидуумов была в общем направлена на то, чтобы сохранить себя и свою власть в рамках государства.

Когда же вместе с ростом имперских городов стало складываться и превращаться в силу бюргерское мировоззрение, в центре которого находится только единичное, лишённое самостоятельности и понимания целого, возникшее духовное разъединение породило необходимость в более общей позитивной связи; когда Германия в ходе роста образования и развития промышленности оказалась на перепутье — либо подчиниться в лице государства всеобщему, либо полностью разорвать с ним связь — исконные свойства немецкого характера победили, предпочтение было отдано свободной воле единичного и отказу от подчинения общему, в результате чего судьба Германии была предрешена в соответствии с исконными свойствами ее народа.

С течением времени в Германии образовалось большое количество государств и утвердилось господство торговли

и ремесленных промыслов; ибо неукротимость немецкого характера исключала непосредственное участие в образовании независимых государств; древняя свободная власть знати не могла противостоять возникшему множеству государств; в первую очередь нуждался в определенной внутренней и внешней легализации бюргерский дух, который обретал все большее влияние и политическое значение. Немцы в соответствии со своим характером обратились к внутренним глубинам человеческого духа, к религии и совести и именно в этой сфере утвердили то разъединение, по отношению к которому внешнее разделение явилось лишь следствием.

Исконные неукротимые черты немецкой нации определили железную необходимость ее судьбы. Внутри созданной этой судьбой сферы политика, религия, нужда, добродетель, насилие, разум, хитрость и все движущие родом человеческим силы ведут на широкой отведенной для них арене свою грозную, внешне беспорядочную игру. Каждая из этих сил выступает как абсолютно свободная и самостоятельная, не сознавая того, что все они являются лишь орудием высших сил, от века существующей судьбы и всепобеждающего времени, у которых эта свобода и независимость вызывает лишь смех. Даже лишения, этот страшный бич, не укротили немецкий характер и не изменили его судьбу. Все страдания, которые принесли религиозные войны, и особенно Тридцатилетняя война, лишь углубили и расширили неодолимость этой судьбы, в результате чего увеличилось и консолидировалось разъединение Германии и обособление отдельных ее частей.

Религия в результате происшедшего в ней раскола не только не отделилась от государства, но внесла этот раскол в само государство; она в наибольшей степени способствовала уничтожению государства, и, глубоко проникнув в то, что именуется государственным устройством, стала условием обладания государственными правами.

В отдельных государствах, составляющих Германию, с религией связаны даже гражданские права. Религиозная нетерпимость в равной степени свойственна обеим религиям, и ни одна из них не имеет достаточных оснований в чем-либо обвинить другую. Австрийские и бранденбургские князья, в противовес нетерпимости импер-

ских законов, сочли свободу совести важнее варварских постановлений.

Разруха, привнесенная разделением религии, была в Германии особенно сильной, ибо ни в одной стране не было столь непрочных государственных связей, как здесь; ожесточение господствующей религии против тех, кто от нее отделялся, было тем сильнее, что вместе с религиозным разделением рвалась не только глубокая внутренняя связь людей, но и едва ли не единственная связь между ними вообще, тогда как в других государствах в подобной ситуации сохранялось еще множество других прочных связей. Поскольку религиозная общность есть более глубокая общность, по сравнению с которой общность физических потребностей, имущества, приобретения является менее существенной, а требование отделения само по себе менее естественно, чем требование сохранить существующее единство, католическая церковь проявила больший фанатизм именно потому, что ее требования были в целом направлены на сохранение единства и его священной основы, она еще готова была внимать призывам к милосердию и терпению, но отнюдь не требованиям законного права, т. е. юридического подтверждения религиозного разделения, на чем настаивали протестанты. Обе стороны сошлись наконец на том, что они взаимно лишают друг друга гражданских прав и оформляют это решение со всей точностью, присущей юридическим постановлениям.

Одно и то же явление наблюдается как в католических, так и в протестантских землях: в первых гражданских права лишены протестанты, во вторых — католики. Однако основания к этому в том и другом случае были, по всей видимости, различны. Католики выступали как угнетатели, протестанты — как угнетенные, католики отказывали находящимся на их землях протестантам в праве свободно исповедовать свою религию, считая их преступниками; там, где господствовала протестантская церковь, для протестантов эта причина отпадала, так же как и опасение оказаться в положении угнетенных. Причиной протестантской нетерпимости могло быть либо стремление отплатить католикам той же ненавистью и нетерпимостью, — что было бы мотивом слишком далеким от

духа христианского учения,— либо недостаточная уверенность в силе и истине собственной религии, страх перед соблазном, таившимся в пышности католического богослужения, рвении его сторонников и т. д.

Этот вечный страх, что протестантская вера станет жертвой вражеской хитрости и коварства, эта убежденность новоявленных стражей Сиона в своей бессилии и страх перед лукавым врагом особенно процветали в прошлом столетии, когда милость божию ограждали бесчисленными мерами предосторожности и бастионами правовых установлений.

Это правовое положение отстаивалось с величайшим ожесточением при любых попытках противной партии представить его как акт милосердия; и в самом деле милосердие в определенном отношении уступает праву, ибо право обладает определенностью, и то, что оно предписывает, исключает произвол обеих сторон; милосердие же для права не более чем произвол. Однако это признание одного только права способствовало утрате высшего смысла милосердия; и долгое время обе стороны не могли стать выше права и обратиться к милосердию. То, что сделали Фридрих II и Иосиф, первый — для католиков, второй — для протестантов, было милосердием, проявленным вопреки правам Пражского²⁴ и Вестфальского мира. Подобное милосердие совпадает с высшими естественными правами — свободой совести и независимостью гражданских прав от религиозных убеждений; однако эти высшие права не только не признаются религиозным и Вестфальским миром, но полностью ими исключаются, причем это исключение торжественно гарантируется как протестантами, так и католиками, и с этой точки зрения взывать к этим гарантированным правам настолько бесполезно, что отвергнутое с презрением милосердие оказывается несравненно выше их.

Религия является важным фактором в определении отношений отдельных частей Германии к целому; именно она более всего содействовала разрыву государственных связей и его узаконению. Время, когда произошел религиозный раскол, еще не обладало достаточной изощренностью для того, чтобы отделить церковь от государства и сохранить при этом государство; что же касается кня-

вей, то они не могли найти лучшего союзника в своем стремлении освободиться от верховной власти империи, чем совесть своих подданных.

Посредством постепенного оформления этих взаимоотношений в законах империи была юридически определена религия каждой земли, каждого имперского города — одна земля была объявлена чисто католической, другая — чисто протестантской, третья — паритетной. А что если найдется земля, которая осмелится нарушить Вестфальский мир, перейдя от чистоты одного вероисповедания к чистоте другого или от паритетного состояния к чистоте какого-либо из них?

Столь же точно в соответствии с вероисповеданием фиксированы и голоса в рейхстаге, в камеральном, суде, в рейхсгофрате, отдельные должности, обслуживающий персонал и т. д. Среди всех этих определенных в соответствии с религией государственных отношений самым важным является знаменитая *itio in partes* — право той или иной религиозной партии не подчиняться решению большинства. Если бы это право распространялось только на религиозные вопросы, то его справедливость и необходимость не вызывали бы сомнения. Подобное обособление не наносило бы непосредственного вреда государству, поскольку оно затрагивало бы только ту сферу, которая по существу его не касается. Однако посредством *itio in partes* отделение меньшинства от большинства узаконено в любом государственном деле, ничего общего не имеющем с религией: в вопросах войны и мира, позиции имперской армии, налогов, — в общем по всем тем немногим вопросам, в решении которых прежние времена еще сохраняли хоть тень государственного целого, большинство потеряло законное право выносить окончательное решение, и меньшинство, сформированное в религиозную партию, может без применения каких-либо политических хитросплетений препятствовать деятельности государства.

Мы считаем преувеличением проводить параллель, как это некоторые делают, между этим правом и правом восстания, санкционированным рядом обнародованных в течение последнего десятилетия французских конституций. Германию следует рассматривать как распавшееся на

отдельные части государство, а эти отдельные части, не подчиняющиеся решению государственного целого, выраженного в большинстве голосов,— как независимые, существующие сами по себе государства, разделение которых в том случае, если они не могут прийти к общему решению, не обязательно должно вести к распаду всех общественных связей и не всегда приводит в качестве обязательного следствия к внутренней войне.

Полностью разорвав государственное целое, религия страным образом создала вместе с тем некоторое смутное представление о ряде принципов, которые могут быть положены в основу государства. Разорвав сокровеннейшие внутренние узы людей и стремясь вместе с тем сохранить известную связь между людьми, религия должна была объединять их в решении ряда чисто внешних вопросов, таких, как ведение войны и т. п.; между тем именно это объединение и составляет основополагающий принцип современного государства. Благодаря тому что важнейшие области государственного права были втянуты в процесс разделения религий, внутри государства утвердились две религии, в результате чего все политические права были поставлены в зависимость от двух, собственно говоря, даже трех религий.

Это как будто противоречит принципу независимости государства от церкви и возможности существования государства, невзирая на наличие в нем различных религий; в действительности же тот факт, что в Германии имеются различные религии, и она тем не менее должна рассматриваться как государство, служит свидетельством в пользу признания названного принципа.

Значительно важнее другое, также созданное религией разделение, которое в еще большей степени связано с существованием государства. Первоначально при проведении совещаний и вынесении решений голоса были полностью связаны с личностью князей; князья имели право голоса, только если они лично присутствовали в рейхстаге, причем правитель различных разделенных земель имел один голос. Личность князя и его земля, личное право князя и его право представлять определенную землю не отделялись друг от друга. Религиозный раскол привел к тому, что это различие выступило на поверх-

ность. К какой стороне следует отнести голос того князя, вероисповедание которого не совпадало с вероисповеданием его земли, если этот голос в соответствии с имперским законом надлежало отнести к одной из религиозных партий?

В той мере, в какой правитель земли олицетворял собой государственную власть, он вообще не должен был бы принимать сторону какой-либо партии, однако подобная точка зрения еще не соответствовала пониманию того времени. К тому же над этим вначале не особенно задумывались. Голос правителя протестантского Пфальцнеибурга, перешедшего в XVII в. в католичество, причислялся в рейхстаге и в имперских судах к голосам католиков; голос же саксонского курфюрста, изменившего к концу того же века свое вероисповедание, по-прежнему принадлежал протестантам, как и голоса также перешедших позже в другую веру правителей Гессена и Вюртемберга.

Несмотря на то что местом и голосом в рейхстаге издавна обладали лишь правившие землей и людьми князья, и земля, следовательно, рассматривалась в рейхстаге в нерасторжимой связи с понятием сословия, это различие между князем как личностью и как представителем земли стало все более заметным и во взаимоотношениях с немецким государством в целом, и особенно тогда, если внутри земли это отделение князя от его подданных уже конституировалось благодаря сословным представителям. Пфальц, не имевший сословных представителей, без всякого сопротивления перешел на сторону католиков, и борьба его жителей с их католическими князьями, вызванная религиозными расхождениями, продолжалась вплоть до самого последнего времени, тогда как в Гессене и Вюртемберге, где это разделение было узаконено сословными представителями, религия земли обрела должное значение и во взаимоотношениях с империей; она, а не личность князя, получила первостепенное значение, вследствие чего князь выступал в рейхстаге уже не как носитель индивидуальных прав, а как представитель земли.

Это различие, созданное религией, оказало влияние и на другие обстоятельства: так, земли, объединенные под

властью одного князя, получили теперь отдельные, независимые от голоса князя голоса; тем самым и здесь проявляется тот же принцип, согласно которому голос принадлежит князю не как определенному индивидууму, а как представителю земли, что в корне отличается от прежнего положения, когда правитель, обладавший несколькими княжествами, имел только один голос, а каждый из нескольких князей, между которыми было разделено княжество, имел свой голос.

Однако подобно тому как пища, пригодная для здорового организма, лишь ухудшает состояние больного организма, этот единственно правильный принцип, предоставляющий право голоса земле, будучи применен в условиях Германской империи, принес лишь вред и способствовал ее скорейшему распаду.

ВЛАСТЬ СОСЛОВИЙ

Когда с течением времени произошло изменение в нравах, религии, особенно же в положении сословий в зависимости от степени их богатства, а это в свою очередь повлекло за собой разрыв сложившихся на основе общности характера и интересов внутренних связей, тогда для объединения Германии, чьи жители перестали составлять народ и превратились в массу людей, понадобились внешние правовые узы.

Теория, рассматривающая подобные необходимые для объединения предпосылки, составляет часть немецкого государственного права. Прежняя, ленная система могла перейти в государство нового типа, в соответствии с которым в той или иной степени организованы все европейские государства, не претерпевшие в новое время полного переворота, если бы отдельные вассалы в Германии не были столь могущественны или не могли бы этого могущества достигнуть. Правда, и большое число слабых вассалов может стать грозной силой, если они, как это случилось в Польше, объединившись, создадут прочную организацию, противостоящую государству; при этих условиях вся пышность императорского двора не спасла бы императора от подобного натиска. Однако если в Германии

меньшинство и не обязано подчиняться решениям большинства, то, во-первых, это, основанное на *itio in partes* право всегда в известной степени ограничено, во-вторых, парализовать деятельность целого может не отдельный голос, а только религиозная партия; в-третьих, если какое-либо сословие и не считает себя обязанным подчиняться большинству — подобно тому как Пруссия, отказавшись платить повышенные имперские налоги, обосновала это тем, что у нее нет уверенности, обязательно ли для всех решение большинства по налоговым вопросам, — и каждое сословие самостоятельно заключает договоры о мире и нейтралитете, то все эти права и взаимоотношения относятся к более позднему времени; и если бы домены способны были обеспечить императору достаточную власть в государстве и отдельным вассалам не удалось бы в силу этого достигнуть чрезмерного могущества, то вполне вероятно, что ленная система могла бы сохранить Германию как государство. Не принцип ленного устройства помешал Германии быть государством, а ни с чем не соразмерное могущество отдельных сословий уничтожило и самый принцип ленного устройства, и существование Германии как государства.

Могущество этих отдельных государств послужило препятствием тому, чтобы в Германии сложилась государственная власть, а дальнейшее их усиление делало это все менее осуществимым. Упрямое требование независимости, это основное проявление немецкого характера, превращало все то, что могло способствовать созданию государственной власти и объединению общества в рамках единого государства, в совершеннейшую формальность, и эта формальность отстаивалась с таким же упорством. Это упорство в сохранении формальности можно понять только как желание противодействовать установлению реальной связи, которая заменяется данной формальностью; так неизменность формы выдается за неизменность сущности.

Подобно тому как римские императоры, положив конец республиканской анархии и воссоединив империю в рамках единого государства, сохранили неприкосновенными все внешние формы республиканского устройства, в Германии с противоположной целью в течение ряда ве-

ков тщательно сохранялись все признаки немецкого государственного объединения, даже тогда, когда суть дела — государство, уже исчезло: если оно и не растворилось в полной анархии, то распалось на множество обособленных государств. За тысячелетие, протекшее со времен Карла Великого²⁵, государственное устройство как будто не претерпело изменений при короновании — вновь избранный император увенчан короной Карла Великого, он держит в руках его скипетр и державу, на нем даже обувь, мантия и драгоценности Карла Великого. Тем самым император нового времени ничем не отличается от Карла Великого, ведь он даже облачен в его одеяния. И если теперь в распоряжении маркграфа бранденбургского 200 тыс. солдат, то его отношение к Германской империи не изменилось по сравнению с тем временем, когда он не располагал регулярной армией даже в 2 тыс. солдат, поскольку и теперь бранденбургский посланник при короновании презентует императору овец. Это типично немецкое, столь забавное для других народов, суеверное пристрастие к чисто внешним формам, к церемониалу, не случайно; оно связано с исконной природой немцев, которая находит свое выражение в неистребимом стремлении сохранить свою независимость. В сохранении этих форм немцы заставляют себя видеть сохранение своего государственного устройства. В том же духе составляются манифесты и государственные документы.

Выше шла речь о территориальных потерях Германии в пользу других держав; однако значительно больший ущерб Германии как государству наносится тем обстоятельством, что чужеземные правители становятся обладателями имперских земель и тем самым входят в состав членов Германской империи, — любое усиление такого княжеского дома наносит большой ущерб государственному устройству Германии. Германия вообще сохранилась как государство лишь потому, что австрийский дом, который можно назвать императорским, оказался достаточно сильным, чтобы хоть в какой-то степени противостоять принципу полного распада, причем опираясь не на мощь Германской империи, а на могущество других своих земель. Германское государство не гарантировано даже от того, что ряд немецких земель самым законным

образом, посредством наследования, объединится под властью одного знатного дома; напротив, поскольку государственная власть рассматривается только в правовых формах частной собственности, о каком-либо противодействии подобному объединению, которому в политике придается большее значение, чем семейным или частным правам, не может быть и речи. Неаполь и Сицилия были отделены от Испании, и право на них знатного дома было признано, также и Тоскана осталась отделенной от императорского дома.

Подобно тому как Римская империя была уничтожена северными варварами, принцип уничтожения Римско-Германской империи также пришел с севера. Дания, Швеция, Англия, а вслед за ними Пруссия являются теми чужеземными державами, которые, будучи имперскими сословиями, располагают центром вне границ Германской империи и вместе с тем в соответствии с конституцией оказывают влияние на ее государственные дела.

Дания сыграла в этом отношении лишь незначительную и преходящую роль в первые годы Тридцатилетней войны.

Вестфальский мир вообще утвердил принцип того, что в те годы принято было называть немецкой свободой, а именно — распад империи на независимые государства; по Вестфальскому миру уменьшилось количество этих независимых государств, т. е. была уничтожена последняя возможность превосходства целого над частями, и посредством объединения их в более крупные государства увеличено разделение страны; иностранные державы получили законное право вмешиваться во внутренние дела Германии либо в качестве владельцев имперских земель, либо в качестве гарантов. Издавна считалось, что партия, обращающаяся в ходе внутренней борьбы за помощь к иностранной державе, виновна в совершении наиболее враждебного акта по отношению к своей стране, и если в условиях подобного распада государства вообще еще может идти речь о наказании, то это преступление достойно наивысшей кары. Когда внутренние войны раздирают на части государство, когда страну постигает это величайшее зло, то при всей ненависти враждующих элементов, которая значительно превышает любую другую

ненависть, в ней еще господствует принцип, согласно которому эти враждебные элементы должны, несмотря ни на что, составлять единое государство; и даже если подобное объединение осуществляется в виде тирании,— и в этом случае сохранено то, что является для людей наиболее священным,— требование единения. Партия же, призывающая на помощь чужие державы, от этого принципа отказывается; этим актом она достигает расторжения государственного целого, пусть даже ее осознанным, подлинным намерением было только обрести в чужой помощи защиту от угнетения, отвратить которое она своими силами не могла.

После того как в Тридцатилетней войне Дания потерпела неудачу в своей попытке стать добрым гением Германии и войска Фердинанда²⁶ без противодействия и противоречия заставили замолчать не только то, что имееется немецким государственным правом, но и вообще все законы, выступил едва ли не вопреки желанию немецких сословий благородный *Густав Адольф*²⁷. Героическая смерть на поле боя помешала ему завершить свою роль спасителя немецкого государства и защитника свободы совести. Густав заранее ознакомил подданных империи со своим намерением, заключил с немецкими князьями определеннейшие, недвусмысленные договоры по поводу общих дел нации и, руководствуясь свободно принятым решением и благородным великодушием, возглавил их борьбу. Он разбил армии, несущие Германии угнетение, освободил ее земли от бремени оккупации и от еще более тяжелого бремени — лишения религиозных прав. Его лагерь был подобен церкви, он и его армия вступали в бой с пением огненных религиозных гимнов. Победоносное продвижение Густава Адольфа, предпринятое для восстановления религии и возвращения немецким князьям стнятых у них прав, не вернуло пфальцграфу его вновь завоеванные наследственные земли; ряд других земель остался во власти Густава Адольфа, а ряд незавершенных замыслов умер вместе с ним; в ходе войны его канцлер завершил эти планы таким образом, что по условиям мира Западная Померания, часть Восточной Померании, архиепископство Бременское, епископство Верден и город Висмар отошли к Швеции и, теоретически сохраняя за-

висимость от Германской империи, в действительности отделились от нее и от ее интересов; тем самым *Швеция* помимо политического влияния сильной державы, имеющей к тому же в качестве гаранта законное право на это влияние, обрела и постоянное право участвовать в решении внутренних дел империи в качестве ее члена.

Такова безрассудность людей; в пылу своих идеальных представлений о бескорыстной борьбе за политическую и религиозную свободу, преисполненные горячим воодушевлением, они не видят истины высшего могущества, полагают, что им дано отстоять справедливость, как они ее понимают, свои измышления и грезы перед лицом высшей справедливости, заключенной в природе и истине, которая пользуется бедствиями и лишениями в качестве орудия, заставляющего подчиниться ее власти людей со всеми их убеждениями, теориями и внутренним горением. Подобная справедливость, которая позволяет иноземной державе, допущенной слабым государством к участию в своих внутренних делах, захватить часть его владений, нашла свое выражение в Вестфальском мире и применительно к герцогству *Пруссии*, впоследствии ставшему королевством; прусский герцог получил магдебургское архиепископство, епископства Хальберштадт, Камин и Минден. Если бы бранденбургский дом не был одновременно чужой, иноземной властью, подобно той, которая в настоящее время получила герцогское достоинство Померании и пр., то сокращение числа немецких сословий и их объединение в одну, пусть даже полностью связанную своими корнями с отечеством силу, все равно привело бы к уменьшению власти всеобщего, поскольку небольшие раньше части теперь соединились в силу, способную противостоять могуществу целого.

Мирные договоры, которые Швеция после смерти Карла XII вынуждена была заключить с Ганновером, Пруссией, Данией и Россией, лишили ее того места среди европейских держав, которое завоевал для нее своими молниеносными победами ее храбрый король, а одновременно и ее власти в Германии; однако немецкое государство ничего от этого не выиграло, ибо сразу же образовался другой центр сопротивления Германии, и немецкие земли, потерянные Швецией, поступили не в непосредст-

венное владение Германской империи — что могло бы увеличить фонд имперской кассы — или во владение своих собственных князей, а отошли к правителям, которые уже принадлежали к числу сословий и теперь олицетворяли собой грозную силу, противостоящую государственному единству.

В том состоянии Германии, когда она, формально пребывая в состоянии мира, в действительности служила ареной сражений между различными странами, определенная роль выпала на долю *Ганновера*, правитель которого был тогда одновременно английским королем; однако роль эта была недолговечна, ибо Ганновер не мог выставить какой-либо принцип, непосредственно связанный с интересами Германии, объявить себя защитником политической или религиозной свободы, и вообще даже впоследствии Ганновер никогда не имел в Германии такого влияния, как Швеция, а позже Пруссия. Характер английского государства и его далекие от Германии интересы не позволяли ввести Ганновер и тем самым Германию в орбиту политических действий Англии, что было естественно, когда трон Англии впервые занял правитель Брауншвейга, сохранивший еще непосредственную связь со своими владениями в Германии. Различие между интересами Англии и Брауншвейгского курфюршества особенно отчетливо проявилось в Семилетней войне, когда Франция послалась в Ганновер с проектом завоевать Америку и Индию, но, достигнув военного успеха, быстро убедилась в том, какой незначительный ущерб приносит Англии опустошение Ганновера. Английский монарх в качестве обладателя прав имперского сословия сохранил это объединенное положение и сравнительно небольшое влияние в Германии.

Германия не потеряла Силезию в ходе военных действий; однако та мощь, увеличение которой в наибольшей степени противостояло единству немецкого государства, усилилась посредством присоединения этой территории, а в ходе последовавшей за этим событием Семилетней войны получила формальное подтверждение совершенного ею захвата. В этой войне Германская империя объявила войну одному из своих сословий, однако оно не снизошло до того, чтобы принять это объявление войны. Случается,

правда, что государство, с которым в действительности ведется война, не признает себя воюющей стороной; однако уже сам факт ведения с ним войны служит доказательством того, что оно это признание получило; и в еще большей степени это подтверждается заключением с ним мира; однако по отношению к Германской империи враг не снизошел до того, чтобы вести с ней войну, и война с ней не была признана мирным договором, ибо с Германской империей мир не был заключен.

Сходство данной войны с войнами более раннего времени заключалось в том, что она была внутренней войной между немецкими сословиями. Часть сословий послала после решений рейхстага свои войска в имперскую исполнительную армию; другие, напротив, полностью отказались от своей связи с Германской империей и объединились в качестве суверенных сословий с *Пруссией*. Общих интересов больше не существовало; давнее недовольство протестантов Австрией привнесло религиозные моменты в политическую борьбу; они нашли свое обоснование в известном рвении императрицы²⁸ в пользу католической религии, которое в некоторой степени склонило к интригам ее обычно полное материнской любви сердце, в результате чего протестанты стали испытывать притеснения в австрийских землях; к этому присоединился ряд других обстоятельств, как, например, то, что папа освятил шпагу австрийского главнокомандующего и т. п. Враждебность, связанная с действиями такого рода, выполняла для обеих сторон лишь функцию официального обоснования; сама война не была связана с какими бы то ни было общими интересами, а отражала лишь частные интересы воюющих сторон.

С тех пор усилилась власть Пруссии в Польше. Число сословий Германии опять сократилось за счет потери Баварии, Аншпаху и Байрейта. Что касается результатов войны с Францией, то этот ее аспект еще не получил полного выражения.

Таким образом, религия и успехи образованности, с одной стороны, объединение немцев не силою государственных уз, а общностью характера — с другой — причем могущество отдельных сословий не встречало препятствия со стороны какого-либо государственного принци-

па — уничтожили немецкое государство, полностью лишив его государственной власти. Прежние формы сохранились, но вместе с изменением времени изменились и нравы, религия, характер богатства, взаимоотношения всех политических и гражданских сословий, условия во всем мире и в самой Германии. Старые формы не отражают больше реальную действительность, то и другое разъединено и противоречит друг другу и нет истины, которая была бы общей для обоих.

В начальном периоде своего развития Германия не отличалась по своему состоянию от большинства европейских государств. Франция, Испания, Англия, Дания и Швеция, Голландия, Венгрия сформировались в государства и остались таковыми. Польша, однако, погибла, Италия разделилась, а Германия в настоящее время распадается на множество независимых государств.

Большинство этих государств основано германскими народами, и дух этих народов лег в основу их государственного устройства. Вначале у германских народов каждый свободный, обязанный являться в войско, имел право высказывать свою волю при обсуждении общенародных мероприятий. Народ избирал вождей, принимал решения о войне и мире и по всем делам общего характера. Кто хотел, принимал участие в этих обсуждениях; кто не хотел, мог по своему желанию избежать этого, полагаясь на общность интересов всего народа.

Когда изменение нравов и образа жизни привело к тому, что каждый стал уделять больше внимания своим нуждам и личным делам, когда безгранично бóльшая часть свободных, собственно бюргерское сословие, стала заниматься исключительно своими нуждами и доходами, когда государства достигли бóльших размеров и те, кто занимался исключительно государственными делами, образовали отдельное сословие, а потребности свободных людей, знати увеличились и знать сохраняла себя как сословие посредством ревностной деятельности на пользу государства, тогда внешняя сторона сложных взаимоотношений нации стала более чуждой отдельному человеку и общие дела народа перешли в ведение все сужающегося круга, состоящего из монарха и сословий, т. е. той части нации, которая либо в качестве знати и духовенства лич-

но присутствует и принимает участие в обсуждении дел, либо в качестве третьего сословия является представителем остальной части народа. Монарх ведаёт делами общегосударственного значения, особенно поскольку они касаются внешних отношений с другими государствами; он является центром государственной власти, осуществляющим все то, что в соответствии с законами связано с принуждением. Законодательная власть также принадлежит ему; сословия участвуют в законодательстве и предоставляют средства для сохранения государственной власти.

Система представительства принята во всех европейских государствах нового времени. Ее не было в лесах Германии²⁹, но она вышла оттуда, составив эпоху в мировой истории. Развитие культуры привело человеческий род после восточной деспотии, господства республики над миром и ее вырождения на стадию, являющуюся промежуточной между ними, и немцы — это тот народ, из недр которого вышел этот третий универсальный образ мирового духа³⁰.

Названной системы не было в лесах Германии, ибо каждый народ должен пройти все предназначенные для него ступени мировой культуры, прежде чем он вмешается в ход мировой истории; а принцип, возвышающий его до универсального господства, возникает лишь по мере того, как его собственный принцип распространяется на остальной, лишенный опоры мир. Поэтому свобода германских народов, когда они в ходе своих завоеваний заполнили весь остальной мир, с необходимостью приняла форму *ленной системы*.

Обладатели ленов остались в своих отношениях между собой и в отношении к целому тем, чем они были раньше, — свободными людьми; однако они обрели подчиненных и тем самым вступили в определенные отношения зависимости к тому, кого они свободно, вне каких-либо обязательств, поставили над собой или за кем они следовали. Эти противоречивые свойства свободного человека и вассала сочетаются посредством того, что лены являются не ленами правителя как определенного индивидуума, а ленами империи. Связь отдельного человека с народом получает теперь форму обязанности, а владение леном и

обладание властью не зависят от произвола сеньора, лен получает юридическое выражение как определенная форма собственности и тем самым становится наследственным. Если в деспотиях достоинство господаря³¹ и могло обладать своего рода наследственностью, то она сама по себе есть произвол; если же подобная наследственная власть связана с действительно независимым государством, каким являются, например, Тунис и пр., то это государство несет определенные повинности, и глава его не участвует, подобно владельцам ленов, в совместных обсуждениях. В вассалах ленного государства личный и представительный характер вассалов взаимопереплетаются. В качестве выразителя последнего вассал представляет свою землю, он — человек этой земли, стоит на страже ее интересов, его личность совпадает с представляемой им землей. В ряде государств подчиненные вассалу люди, сохранив свою зависимость, стали вместе с тем горожанами; отдельные свободные люди, оставшиеся вне вассальной иерархии, также объединились в городское сословие, и оно получило права представительства.

В Германии та часть бюргерского сословия, которая имеет право представительства в общегосударственных органах, не является одновременно зависимой от сеньора, а зависимые от сеньора не имеют собственных представителей в государственных органах. Они осуществляют свое представительство через своих князей и имеют, кроме того, это право по отношению к правителю того особого государства, непосредственными подданными которого они являются.

В Англии высшая и низшая знать вместе с территориальным господством лишилась и еще одного из своих прав — права представлять часть народа, однако значение ее в государстве не приобрело тем самым чисто личный характер. Лорд, обладающий местом и голосом в палате пэров, является по праву первородства представителем всей своей семьи. Впрочем, канцлером казначейства является младший сын герцога Чэтемского, *господин Питт*.

Аристократ, не являющийся старшим сыном, вступает на ту же стезю, что и любой отпрыск буржуазной семьи, которому в такой же степени, как сыну герцога, открыт

путь к высшим почестям, если он обладает достаточным талантом, упорством и образованием; в свою очередь в австрийском монархическом государстве к каждому хорошо одетому человеку в светском обществе принято обращаться «господин фон»...; ему открыт путь к высшим должностям в армии и на государственной службе; если же он достигает успеха, то возводится в дворянское достоинство; следовательно, если оставить в стороне право представительства, он так же, как в Англии, уравнивается в правах с аристократом.

Все несчастья Франции проистекают из полного перерождения ленной системы, утраты ее подлинного характера. В собраниях генеральных штатов³² высшая и низшая аристократия не выступала больше в той роли, которая составляла ее главную силу в политической организации, в роли представительства; личность же стала играть здесь совершенно недопустимую по своему значению роль.

Если аристократическое происхождение, даруя с ранних лет известное благосостояние, освобождает от мелких забот деловой жизни и усилий, направленных на удовлетворение материальных нужд, если аристократы благодаря этому обстоятельству, а также в силу унаследованной беззаботности и равнодушия к материальным благам сохраняют широту и свободу воззрений и, следовательно, более способны проявить военную доблесть, требующую отказа от собственности, милых сердцу привычек, связанных с ограничениями и обычаями устоявшейся жизни, более склонны к либерализму в делах государства и к известной свободе в подходе к ним, меньше зависят от правил и больше доверяют собственному суждению, складывающемуся в зависимости от обстоятельств, положений и потребностей, и могут вдохнуть новую жизнь в механизм управления,— если, следовательно, аристократы пользуются во всех государствах личными преимуществами, то подобное личное преимущество, будучи таковым, должно быть обретоено свободно, т. е. в соперничестве с другими; ведь, помимо всего прочего, сама изоциренная организация современных государств, требующая громадного, невероятного труда, нуждается в упорстве, прилежании, умении и знаниях, которым обла-

дают представители буржуазии; подъем этого сословия в новое время, его растущее значение, знания и умение, возвышающие это сословие над его первоначальным положением в обществе, обязывает государство устранить препятствия на его пути.

По логике вещей в большинстве современных государств различия между бюргерством и дворянством постепенно стираются — в Пруссии частично в гражданской сфере, в Англии, Австрии и других государствах — и при назначении на военные должности; во Франции же они достигли громадных размеров. Для представителей бюргерства путь к судейским и военным должностям закрыт, в принцип здесь возведены чисто личные преимущества.

Принцип представительства и возникновение бюргерского сословия настолько глубоко уходят своими корнями в процесс развития ленной системы, что мнелпне, будто этот принцип является порождением нового времени, смело можно назвать нелепейшим вымыслом. Принцип представительства лег в основу всех современных государств и лишь его перерождение, т. е. потеря его истинной сущности, уничтожило государственный строй Франции, но не Францию как государство. Представительство пришло из Германии; однако есть некий непреложный закон, согласно которому народ, приносящий в мир новый импульс к универсальному развитию, погибает в конечном итоге раньше всех остальных, и сохраняется созданный этим народом принцип, но не он сам.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СОСЛОВИЙ

Германия не сумела разработать для себя тот принцип, который она дала миру, и не нашла в нем спасения. Она не положила его в основу своего государственного устройства и не преобразовала ленную систему в государство, подчиненное единой власти, но, стремясь остаться верной своей исконной склонности — прежде всего сохранить независимость отдельных частей от целого, от государства, — достигла полной дезорганизации. Германия распалась на множество государств, чья способность к существованию утверждалась торжественными

взаимными обязательствами и гарантировалась великими державами. Однако существование такого рода основано не на собственной мощи и силе, а целиком зависит от политики великих держав.

В чем же могла бы состоять подлинная гарантия существования этих отдельных государств?

При отсутствии подлинной государственной власти основой подобной гарантии могла бы быть только неприкосновенность самих издавна существующих прав, которые в силу своей давности и множества торжественных договоров подняты на недостижимую высоту, исключаящую возможность их нарушения; и вообще вошло в привычку рассматривать политическое положение отдельных государств как некую моральную силу и укоренять глубокую веру в его священную нерушимость. в результате чего оно превращается в нечто столь прочное и неприкосновенное, как нравы народа или его религия.

Между тем ведь нравы и религия также часто подвергались жестокому преследованиям, будь то посредством приказов или прямого насилия; мы совсем недавно были свидетелями того, как это происходило во Франции; и если подобные попытки, чреватые весьма серьезными последствиями, обычно оборачиваются против тех, кто их предпринимает, или, во всяком случае, приводят к весьма сомнительным результатам, то нельзя тем не менее отрицать, что религия и нравы также подвержены влиянию времени и в них постепенно совершаются малозаметные изменения.

К тому же нравы и религия, с одной стороны, и государственные права — с другой, отнюдь не занимают одинакового места в жизни народа. Говорят, что нет ничего более святого, чем право; между тем уже в области частного права более высоким является милосердие, способное отказаться от своего права, а также право государства, которое может быть сохранено только в том случае, если оно в известной степени ограничит частное право,— ведь уже налоги, взимаемые государством, являются нарушением права собственности. Политические же права, претендующие на значение частных прав, заключают в себе внутреннее противоречие, ибо они как будто позволяют предположить, что носители столь нерушимых

политических прав находятся в рамках своих правовых взаимоотношений под эгидой некоей могущественной власти. Однако в этом случае эти взаимные права были бы не политическими, а частными имущественными правами.

Государственное устройство Германии якобы предполагает возможность подобных отношений. Однако уже одно то обстоятельство, что не только отношения собственности, но и все те отношения, которые непосредственно затрагивают интересы государства, носят характер частноправовых установлений, являет собой внутреннее противоречие; поскольку же в Германии вообще нет больше государственной власти, то отпадает и возможность рассматривать политические права как частные права со свойственной им прочностью и непоколебимостью, и эти права вступают тем самым в ранг общих политических прав.

Уважение же к общим политическим правам хорошо всем известно. Мирные договоры, а они и являются теми документами, на которых зиждутся политические права и взаимоотношения государств,— всегда содержат преамбулу, в которой провозглашается дружба между державами-контрагентами; помимо такой преамбулы договор содержит определения и других отношений, особенно тех, которые лежали в основе предшествовавших несогласий. Сколь ни широко трактуется в преамбуле сохранение доброго согласия, совершенно очевидно, что понимать это буквально не следует.

Едва ли не одной Турецкой империи удалось занять в своих отношениях с другими державами такую позицию, которая обеспечивает ей мир, до того момента, пока на нее не будет совершено прямое нападение; и в самом деле европейским державам редко удавалось втянуть ее в войну, вспыхнувшую в результате столкновения их политических интересов. Обычно же взаимоотношения между государствами столь многосторонни, а установленные мирными договорами соглашения допускают столько толкований, что при самом точном определении всех возможных аспектов отношений всегда остается еще неисчерпаемое множество таких, по поводу которых могут вспыхнуть споры. Ни одно государство не посягает прямо и непосредственно на какое-либо определенное договором

право; разногласия возникают обычно по поводу каких-либо недостаточно выясненных вопросов, они нарушают мир и, приводя к состоянию войны, вызывают неустойчивость и других точно определенных прав.

Подобное взаимное нарушение политических прав происходит только вследствие войны. Договоры и определенные ими взаимоотношения остались бы в действии, они не нарушаются непосредственно, на них никто открыто не посягает; к договорам не относятся легкомысленно; однако как только начинаются споры по поводу неточно сформулированных пунктов и условий, все, установленное договорами, теряет всякую силу.

Войны — их можно называть наступательными или оборонительными, по этому вопросу стороны никогда не достигают соглашения — можно было бы считать несправедливыми лишь в том случае, если бы мирные договоры устанавливали обязательность *нерушимого* обоюдного мира; и если установление вечного мира или вечной дружбы между державами как будто носит такой характер, то это следует понимать с ограничением, соответствующим природе вещей: вплоть до того момента, когда будет произведено нападение или совершены какие-либо враждебные действия. Ни одно государство не может связать себя обязательством не сопротивляться враждебным действиям и сохранять мир, несмотря на вторжение вражеских войск.

Однако проявления враждебности могут быть столь разнообразны, что рассудок человека не способен предусмотреть все ее возможности, и чем больше определений, т. е. чем больше прав, установленных договором, тем скорее возникнет противоречие в понимании этих прав. Если одна сторона осуществляет предоставленное ей право в тех пределах, которые ей даны, она обязательно затронет какое-либо право, закрепленное за другой стороной. Для этого достаточно обратиться к манифестам и государственным документам, составленным при каком-либо несогласии между государствами; в них всегда содержатся обвинения в адрес противника и оправдание своих собственных действий!

Каждая сторона ссылается на свое право и обвиняет другую в его нарушении. Право, принадлежащее государ-

ству А, нарушено государством Б; однако государство Б настаивает на том, что оно осуществляло при этом свое право и поэтому не может быть обвинено в нарушении права государства А. Общество разделяется на сторонников того и сторонников другого, каждая партия настаивает на том, что право на ее стороне; и обе партии правы, ибо сталкиваются друг с другом сами права.

Некоторые гуманные люди и моралисты³³ всячески поносят политику, видя в ней желание и умение извлекать из права выгоду для себя; они называют ее несправедливой в своей основе системой, а беспристрастные болтуны в нашем обществе, т. е. толпа, не имеющая ни каких-либо серьезных интересов, ни родины, чей идеал добродетели сводится к уюту пивного кабачка, возводят на политику обвинения в недостаточной верности, в отсутствии правовых устоев; они всегда принимают во всем участие и поэтому выражают подозрение по поводу той правовой формы, в которой выражены интересы их государства. Если эти интересы совпадают с их собственными, они отстаивают и саму правовую форму; однако подлинной движущей ими внутренней силой являются именно их интересы, а не правовая форма, о которой идет речь. Если бы эти гуманные защитники права и морали обладали какими бы то ни было интересами, они могли бы понять, что интересы, а тем самым и права, могут прийти в столкновение и что противопоставлять интерес или столь ненавистную этим моралистам выгоду государства его праву безрассудно.

Право государства — это его утвержденная договорами и получившая признание выгода; поскольку же в договорах всегда устанавливаются различные интересы государств, бесконечно многообразные в своем правовом выражении, то эти многообразные интересы, а тем самым и права, неизбежно должны прийти в столкновение друг с другом и только от обстоятельств, от соотношения сил, т. е. от политического *суждения*, зависит, будут ли находящиеся под угрозой интерес и право государства отстаиваться всеми возможными средствами; при этом ведь и другая сторона может сослаться на свое право, ибо ее противоположный интерес и, следовательно, ее право также обоснованны; поэтому война — или что бы там ни

произошло — должна установить не истинность права той или другой враждующей стороны, — ибо истинны права обеих сторон, — а прийти к решению по поводу того, какое право должно уступить в этом столкновении другому. И решить это должна война именно потому, что оба эти столкнувшиеся права в равной степени истинны, и нарушить это равенство, создать возможность соглашения путем уступки одного права другому, может, следовательно, только нечто третье, т. е. война.

Пусть моральная сила прав будет непоколебимо установлена, но способна ли она сохранить их действенность? Из-за неопределенности прав *могут* возникнуть пререкания, из-за их определенности *должны* произойти их столкновения; и в этом столкновении право может отстоять себя, только опираясь на силу.

Если совершенно немисливо, чтобы так называемые права немецких сословий существовали благодаря своей внутренней значимости в качестве некоей моральной силы и поскольку ввиду упомянутого столкновения нет и не может быть силы, способной отстоять эти права во всем их многообразии, в Германии должно было бы наступить состояние подлинной, не пассивной, а активной анархии, действие подлинного древнего кулачного права, которое в вечной распре из-за этих столь запутанных притязаний в каждый данный момент отдает предпочтение сильнейшему до той поры, пока более сильной не станет противная сторона.

Непосредственно предотвратил это земский мир³⁴; слабым он принес покой, основанный на их немощи перед сильными, что касается могущественных сословий, то уже выше было сказано, что наследие Юлиха и Клеве послужило поводом к Тридцатилетней войне и что в данном случае, как и в ряде других — например, при разделе баварского наследия, — дело решалось отнюдь не судом.

Однако разве число спорных случаев, послуживших поводом к войнам, не ничтожно по сравнению с множеством тех распрей, которые неизбежно должны были возникнуть при столь сложном переплетении прав и были урегулированы мирным путем? Нет! Они не урегулированы, а положены под сукно. Известно ведь, какой бесконечной сетью неисчислимых процессов опутана немецкая

знать; сколько процессов, начатых сто, несколько сот лет тому назад, не закончены до сих пор; более того, какое бесчисленное множество притязаний похоронено в архиве каждого княжества, графства, имперского города, любой аристократической семьи,— другими словами, сколько прав не получило своей реализации. Если бы все эти права внезапно заговорили — какой бы неумолкаемый гул перебивающих друг друга голосов раздался бы тогда!

Притязания — не что иное, как не получившие подтверждения права. Спокойствие в данном случае — не результат судебного решения, ибо решения не было, а страх лишиться своего права, ибо притязание все-таки предпочтительнее отвергнутого права, нерассмотренный процесс предпочтительнее проигранного; кроме того, это спокойствие объясняется также страхом перед могущественными властителями, которые в соответствии с новым всеобщим установлением обязаны были бы, защищая свои грапицы и свою землю, вмешаться в происходящее поблизости от них открытое столкновение, что не соответствовало бы интересам ни той стороны, против которой бы они выступали, ни той, которую бы они защищали. Таким образом, междоусобицы прекратились, земский мир принес спокойствие, т. е. не вынес решения по поводу противоречивых притязаний, а заставил их замолчать, в результате чего предмет спора остался в обладании того, кто им реально владел,— *beati possidentes!* — без какого-либо юридического решения этого вопроса. Следовательно, известное спокойствие достигнуто в Германии не вследствие того, что каждый владеет тем, на что он имеет право, что было бы положением, гарантируемым государством; гарантией спокойного существования сословий при их необычайном различии в силе является страх и политические соображения, а не прочность прав, от которых они зависят, не их собственная внутренняя сила.

При существующем и, как мы показали, неизбежном отсутствии государственной власти — неизбежном, ибо ее предмет, т. е. сохранение неизменяемых прав сословий, несовместим с наличием государственной власти,— может случиться, что все эти изолированные сословия, пребывая в обычном своем состоянии, при котором они исходят из общих интересов в той мере и когда это им желательно.

вернутся к своему прежнему образу действий; не вступая в постоянный прочный союз, они сочтут целесообразным объединиться по своей доброй воле в дни тяжелых лишений или грозящей опасности и создать посредством такого сплочения своих сил необходимые в данный момент государство и государственную власть, способную действовать как внутри страны, если ущемляются их права, так и вовне при совершении какого-либо нападения на все условия в целом или на одно из них.

Такую необходимость вызвало некогда преследование протестантской религии; это было связано не с честолюбием правителей, оставлявшим их подданных совершенно равнодушными, а с сокровеннейшим духовным интересом людей. Нет вопроса, который заставил бы князей и их подданных сплотиться с таким единодушием, свободой и рвением, с таким забвением всякого соперничества, как вопрос религиозный. Любые другие проблемы в меньшей степени затрагивают людей; наряду с любыми другими проблемами возникают в памяти и утверждаются другие противоречивые интересы.

Между тем известно, какой позорный конец был уделом *Шмалькальденского союза*³⁵. Для всего этого союза характерны были мелкие тщеславные устремления, и в самодовольном любовании собой и своим благородным делом члены его еще до каких-либо действий ощущали такое самоудовлетворение, что этот союз распался при первых же ударах. Однако некоторые члены этого союза держались храбро и довели дело до настоящих сражений; что же касается *протестантской унии*³⁶ последующего столетия, то она уже самими ничтожными вопросами, которыми она занималась в момент своего возникновения, возвестила о всем ничтожестве своей сущности, впоследствии полностью проявившейся в ее деятельности.

Можно упомянуть еще об одном внутреннем объединении такого рода — о *союзе князей*³⁷, направленном против Иосифа II, чьи действия вызвали опасения некоторых сословий. Идея этого союза обрела блеск благодаря имени как возглавлявшего его правителя, так и того, против которого этот союз был направлен, а также и благодаря тому, что множество писателей, в том числе талант-

ливых, защищавших ту или иную сторону, сумели серьезно заинтересовать этим делом общество. Общественное мнение сыграло здесь, по-видимому, известную роль; если деяния Фридриха II окружали его имя ореолом славы, то они уже свершились, и результат их — переход Силезии к Пруссии, государственное управление, религиозные и гражданские законы в прусских землях — уже существовал; если для остальных земель Германии с этой стороны ждать было нечего и для них действительно ничего не было сделано, то в первые годы богатого событиями нового века в немецкой истории души людей еще волновала надежда. Однако если оставить в стороне общественное мнение и возникновение многих надежд или опасений, союз немецких князей не оставил следа в истории. Поскольку он не выразил себя в какой-либо деятельности, то и о его сущности сказать, собственно говоря, нечего. Независимость Бранденбурга от Германской империи существовала уже задолго до этого; возросла ли она или уменьшилась в результате деятельности союза князей — об этом ничего сказать нельзя.

Что касается свободно заключаемых против иностранных держав союзов, то в тех случаях, когда Германию не раздирали внутренние войны и она защищалась от внешнего врага, эти союзы занимали место собственно имперских войн (Мюллер³⁸, с. 70. Союз с Вильгельмом Оранским³⁹ против Людовика XIV⁴⁰. Аугсб. союз 1688 г.). То, что совершали князья и сословия, было скорее свободным волеизъявлением отдельных кругов и ассоциаций, чем принятым в соответствии с законом, обязательным для всех государственным постановлением. Бранденбург выступает еще в рамках империи, однако не вследствие каких-либо обязательств по отношению к ней, но действуя самостоятельно и ставя перед собой в качестве основной цели корону прусского королевства.

Войны этого столетия были внутренними войнами.

В ходе последней войны с Францией, в момент, когда Германии угрожала серьезная опасность, как будто начался процесс образования единой воли, направленной на защиту Германии. Почти все немецкие государства приняли в этом участие; однако установить момент, когда все они выступали одновременно, невозможно. Наиболее

могущественные из них, напротив, большей частью в ходе войны перестали принимать в ней участие.

После того как Вестфальский мир узаконил прежнюю независимость отдельных частей Германии,— хотя и в совершенно иных, изменившихся условиях, — и тем самым устранил для нее возможность превратиться в государство современного типа и создать государственную власть, опыт последующих лет показал, что дух времени стал иным и каждый отдельный человек не стремится более по своей доброй воле действовать в согласии со всеми другими на благо целого; теперь даже, в час самой настоятельной необходимости, когда самым непосредственным образом затронуты общие интересы, ждать каких-либо совместных объединенных действий не приходится.

Вестфальский мир придал отсутствию в Германии государства известную организацию. Писатели, подобно Hippolytus a Lapide⁴¹, отчетливо определили внутренний характер и тенденцию нации. Подписав Вестфальский мир, Германия отказалась от возможности утвердиться в качестве прочной государственной власти и отдалась во власть составляющих ее государств.

Можно, конечно, при желании рассматривать эту веру в добрую волю членов империи, на основании которой им было доверено общее благо страны, как проявление того духа добропорядочности, которым так гордится немецкий народ. В самом деле все обстоит прекрасно: с одной стороны, государственная власть распадается и сама отдает себя в руки отдельных сословий, с другой — выставляется требование, которое считается вполне реальным, чтобы эти отдельные сословия объединялись по своему свободному решению. Немецкие сословия, заключившие Вестфальский мир, сочли бы себя оскорбленными, если бы им высказали недостаточное доверие, предположив, что при создавшейся обособленности они могут отнестись без должного внимания к благу целого и действовать в соответствии со своими собственными интересами даже в том случае, когда их интересы не совпадают с интересами государства в целом или противоречат им. Общие государственные связи, обязанности каждого по отношению к целому, благо целого признано и утверждено самым торжественным образом, и в любом возможном

столкновении по этому вопросу, пусть даже оно завершится жесточайшими войнами, каждая из враждующих партий заранее обосновывает свое право самыми убедительными манифестами и дедукциями.

Тем самым весь этот круг вопросов перемещается из сферы воли и собственных интересов в сферу представлений; при наличии общего желания действовать на благо целого, найти должный образ действий, наиболее соответствующий благу целого, должен был бы рассудок; и после того как определенный образ действий принят решением большинства, меньшинство должно было бы подчиниться ему. Однако там, где не только отсутствует государственная власть, но и каждое отдельное сословие имеет право заключать союзы, мирные договоры и т. п. в соответствии со своим собственным представлением о благе целого, этого в действительности не происходит и не может произойти. Если бы в период разобщенности и войны кто-нибудь (безусловно, только частное лицо, ибо для министра это невозможно) в самом деле простодушно поверил бы в то, что причина войны заключается только в отсутствии общего представления о том, какими средствами можно содействовать благу Германии в целом, и надеялся бы достигнуть согласия посредством воздействия на убеждения воюющих сторон, то своим прекраснодушием он только поставил бы себя в смешное положение; его задачей было бы внушить всем, что общий образ действий, который должен был бы быть всеобщим, соответствует особым интересам каждого отдельного человека.

Хорошо известен и всеми признан принцип, согласно которому этот особый интерес и есть самое главное; его нельзя рассматривать как нечто, противоречащее правам и обязанностям подданных или требованиям морали; напротив, каждое отдельное сословие *должно* в качестве особого сословия не жертвовать собой некоему целому, от которого ему нечего ждать помощи, а выполнять свой священный долг, заботясь в качестве правителя земли или магистрата имперского города о своей земле и своих подданных.

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Независимость отдельных частей по отношению к государственному целому зафиксирована Вестфальским миром. Сами по себе сословия не могли бы этого достигнуть — их союз был непрочен, а они сами и их земли не обладали достаточной силой, чтобы сопротивляться деспотической власти Фердинанда в области политики или религии.

Поход Густава Адольфа имел по существу (не для него лично, ибо он умер в расцвете славы, а для его народа) такой же результат, как впоследствии походы Карла XII. Шведы потерпели в Германии поражение; их спасло только то, что Ришелье⁴² и продолжавший его политику Мазарини⁴³ стали на их сторону и поддержали их дело.

Ришелье выпало на долю редкое счастье: его считало своим величайшим благодетелем как то государство, которое действительно обязано ему своим величием, так и то, за счет которого это было достигнуто.

Франция как государство и Германия как государство несли в себе одни и те же принципы распада; во Франции Ришелье уничтожил их полностью и превратил эту страну в одно из самых могущественных европейских государств; в Германии он дал им полную власть и тем самым уничтожил ее как государство. В обеих странах он довел тот принцип, который являл собой их внутреннюю основу, до полного развития; во Франции — монархию, в Германии — образование множества самостоятельных государств. Оба еще продолжали бороться с тем, что им противостояло; Ришелье удалось довести обе страны до уровня прочных, взаимопротивоположных систем. Двумя принципами, препятствовавшими Франции превратиться в государство в форме монархии, были крупная знать и гугеноты — те и другие вели войны с королями.

Представители знати, в число которых входили и члены королевской семьи, интриговали против министра, опираясь на свои армии. Правда, суверенитет уже давно стал священным правом монарха и на него никто не посягал; могущественные вассалы короля выступали со сво-

ими армиями не для завоевания суверенитета, а для того, чтобы в качестве министров, губернаторов провинций и т. п. быть первыми среди подданных монарха. Заслуга Ришелье, который подчинил крупных вассалов государственной власти в ее первой инстанции, т. е. министерству, может на первый взгляд показаться проявлением честолюбия. Создается впечатление, что все его враги пали жертвой его честолюбия; поднимая мятежи и образуя заговоры, они уверяли — и, вероятно, со всей искренностью — в своей невинности и преданности своему монарху; а что касается вооруженного противодействия министру, то это они не считали ни гражданским, ни государственным преступлением. Однако побеждены они были не личностью министра, а его гением, который связал его личность с необходимым принципом единства государства и поставил государственные должности в зависимость от государства. В этом-то и состоит политический гений — он заставляет индивидуума идентифицировать себя с определенным принципом; в таком сочетании этот индивидуум обязательно одержит победу. Заслуга министра, создавшего, подобно Ришелье, единую исполнительную власть в государстве, бесконечно выше любых других заслуг, таких, например, как увеличение страны посредством присоединения к ней какой-нибудь провинции или спасение ее от любых других бедствий.

Другим принципом, угрожавшим государству распадом, были гугеноты, которых Ришелье подавлял как политическую партию; его действия против них нельзя подвести под понятие подавления свободы совести. У гугенотов были свои армии, укрепленные города, они заключали союзы с иностранными державами и т. д.; таким образом они составляли своего рода суверенное государство; в противовес им католики образовали Лигу, которая едва не привела французское государство к гибели. Обе враждующие партии олицетворяли собой вооруженный фанатизм, пренебрегавший государственной властью. Уничтожив государство гугенотов, Ришелье уничтожил и право Лиги на существование; а что касается ее наследия, выразившегося в бесправной и беспринципной непокорности вассалов, то с этим он справился. Уничтожив государство гугенотов, Ришелье оставил им свободу вероисповедания,

церкви, богослужения, равные с католиками гражданские и политические права. Последовательность в понимании обязанностей государственного деятеля помогла ему осознать значение религиозной терпимости, которая более чем через столетие утвердилась благодаря усилиям наиболее образованной части общества и рассматривалась как наиболее блестящий результат развития философии и смягчения нравов; и совсем не неосведомленность или фанатизм были причиной того, что в ходе войны и при заключении Вестфальского мира французы не подумали о возможности отделить в Германии церковь от государства, что они положили религию в основу различия политических и гражданских прав, т. е. утвердили в Германии тот принцип, который они уничтожили в своей стране.

Так, Франции и кроме нее Англии, Испании и другим европейским странам удалось усмирить брожение элементов, угрожавших существованию государства, связать их в единое целое и посредством воспринятой у Германии свободы ленной системы создать в соответствии с законами и на основе свободы единый, вобравший все силы центр; форма подобного государства — она может быть монархической или республиканской в ее современном понимании (которая также может быть подведена под категорию ограниченной, т. е. покоящейся на законах, монархии) — значения не имеет; с этой стадии развития берет свое начало в разных странах эпоха могущества и процветания государства, эпоха свободы и огражденного законами благосостояния его подданных.

Судьбу Германии разделила *Италия*; разница заключается только в том, что Италия, где процесс развития шел быстрее, опередила Германию и раньше достигла той стадии, к которой теперь приближается Германия.

Императоры Римской империи германской нации в течение долгого времени претендовали на господство над Италией, которое, как это обычно бывает в Германии, имело лишь тогда и лишь в той мере реальную силу, когда и поскольку она соответствовала могуществу императора. Стремление императоров объединить под своей властью обе страны — Германию и Италию — привело к тому, что они потеряли власть над обеими.

В Италии все ее части завоевали суверенитет; она перестала быть государством и превратилась в беспорядочное смешение независимых государств, внутри которых по воле случая устанавливалось монархическое, аристократическое или демократическое правление; на короткое время устанавливалось и перерождение этих форм государственного устройства в виде тирании, олигархии и охлократии. Состояние Италии нельзя, собственно говоря, назвать анархией, ибо множество противоположных партий выступали здесь в виде организованных государств. Несмотря на то что подлинного государственного союза в Италии не было, часть ее земель всегда объединялась для сопротивления императору, а остальные — во имя его интересов. Партия гибеллинов и партия гвельфов, которые некогда охватывали Германию и Италию, вновь появились в Германии XVIII в. — модифицированные соответственно изменившимся условиям — в лице австрийской и прусской партий.

Едва только отдельные части Италии уничтожили существовавшее ранее государство и достигли независимости, как они возбудили завоевательные стремления крупных держав и стали ареной военных действий между ними. Мелкие государства, осмелившиеся противопоставить себя тысячекратно и более превосходящей их силе, постигла неизбежная в данном случае участь; и наряду с сочувствием к ним возникает сознание необходимости этого и вины самих пигмеев в том, что они растоптаны гигантами, среди которых они затесались. Более крупные государства Италии, поглотившие в ходе своего формирования множество мелких, также прозябали, лишённые силы и подлинной независимости, выполняя роль пешек в планах иноземных держав; они продержались дольше благодаря умелому лавированию, проявляя в нужный момент смирение и постоянными частичными уступками предотвращая полное подчинение, избежать которого им в конечном итоге не удалось.

Где множество независимых государств — Пиза, Сиена, Ареццо, Феррара, Милан? Где сотни государств в лице отдельных независимых городов? Где дома многих суверенных герцогов, маркграфов и др., княжеские дома Бендивольо, Сфорца, Гонзага, Пико, Урбино и др., а так-

же бесчисленная рыцарская знать? Ряд независимых государств был поглощен большими, а те в свою очередь еще большими и т. д.; существованию одного из самых больших, Венеции, положило конец послание французского генерала, переданное его адъютантом. Самые блестящие княжеские дома не имеют более ни суверенитета, ни какого-либо значения в качестве политических деятелей или представителей своих земель. Потомки самых благородных родов Италии пополняют теперь ряды придворной знати.

В те страшные годы, когда Италия, стремительно приближаясь к гибели, служила ареной войн, которые иноземные державы вели за ее земли, когда она, предоставляя средства для этих войн, одновременно составляла и их цель, искала свое спасение в вероломном убийстве, отравлениях, предательстве и фантазиях пришлого сброда, всегда разорительного для тех, кто их нанимал, а большей частью воплощавшего в себе грозную опасность (некоторые из представителей такого рода сумели вознестись до положения правителей в момент, когда немцы, испанцы, французы и швейцарцы грабили страну, а иноземные кабинеты определяли судьбу этой нации), один государственный деятель Италии⁴⁴, остро ощущавший всю глубину общего падения, гнева, разрушения и ослепления, трезво взвесив все обстоятельства, пришел к твердому выводу, что спасти Италию можно, только объединив ее в государство. Он со строгой последовательностью начертал путь, необходимый для этого спасения в условиях испорченности и слепого бешенства того времени, и следующими словами призвал своего князя к тому, чтобы он выполнил высокое назначение спасителя своей страны и покрыл себя неувядаемой славой, положив конец ее страданиям:

«Если, как я говорил, чтобы проявилась мощь Моисея⁴⁵, необходимо было народу израильскому рабство его в Египте, а для познания величия души Кира⁴⁶ требовалось, чтобы персы оказались под игом мидян, и если положено было афинянам жить в рассеянии, чтобы раскрылась доблесть Тезея⁴⁷, то и сейчас, чтобы познать силу итальянского духа, должна была Италия опуститься до нынешнего предела, быть больше рабой, чем еврей,

больше слугой, чем персы, больше рассеянной, чем афиняне, быть без главы, без государственного закона, разбитой, ограбленной, истерзанной, опустошенной, претерпевшей все виды унижения. Хотя и до сих пор появлялся иной раз как бы луч надежды и в образе того или другого человека, и можно было думать, что он послан богом для ее спасения, но затем всегда оказывалось, что судьба отталкивала его в самый разгар подвигов. Так, словно покинутая жизнь, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборам в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы... Здесь праведное, великое дело: ибо война справедлива для тех, кому необходима, и оружие священо, когда оно является единственной надеждой... Все соединилось во имя величия вашего. Остальное должны сделать вы сами. Бог не хочет совершить все, чтобы не лишать нас свободной воли и частицы славы, выпадающей на нашу долю...

...Не могу выразить, с какой любовью встретили бы его (освободителя Италии) во всех областях, пострадавших от нашествий чужеземцев, с какой жадной мести, с какой несокрушимой верой, с каким благоговением, с какими слезами! Какие ворота закрылись бы перед ним, какой народ отказал бы ему в повиновении, как могла бы зависть стать ему поперек дороги, какой итальянец не пошел бы за ним?»*

Вряд ли можно сомневаться в том, что человек, чьи слова полны такой подлинной значительности, не способен ни на подлость, ни на легкомыслие. Между тем уже само имя Макиавелли носит, по мнению большинства, печать отверженности, а макиавеллизм отождествляется обычно с гнусными принципами. Идея государства, созданного народом, столь настойчиво заглушалась безрассудными призывами к так называемой свободе, что всех бедствий Германии в Семилетней войне и в последней войне с Францией, всего прогресса разума и опыта, почерпнутого из неистовства, охватившего Францию в ее стремлении к свободе, вероятно, недостаточно для того, чтобы та простая истина, согласно которой свобода воз-

* *Макиавелли Н. Соч.*, т. I. М.—Л., 1934, с. 325—326, 329.

можно только в государстве, созданном объединившимся на правовой основе народом, проникла в умы людей и утвердилась в качестве основного принципа науки о государстве.

Даже цель Макиавелли — поднять Италию до уровня государства — слепо отвергается теми, кто видит в творении Макиавелли лишь призыв к тирании, зеркало в золотой оправе для тщеславного поработителя. Если же эта цель принимается, то объявляются отвратительными предлагаемые им средства, и тут-то открывается широкий простор для морализирования и высказывания различных тривиальностей, вроде того, что цель не оправдывает средства и т. п.

Между тем здесь не может быть и речи о выборе средств, гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой. Состояние, при котором яд, убийство из-за угла стали обычным оружием, не может быть устранено мягкими мерами противодействия. Жизнь на грани тления может быть преобразована лишь насильственными действиями.

Весьма неразумно рассматривать идею, сложившуюся под непосредственным впечатлением о состоянии Италии, как некий безучастный компендиум морально-политических принципов, пригодный для любых условий, другими словами, ни для чего не пригодный. «Государя» падо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли и современной ему истории Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности.

Вряд ли будет излишним указать в нескольких словах на то, что обычно не замечают, читая Макиавелли; мы имеем в виду те поистине идеальные качества, которыми он наделяет выдающегося князя и которыми за истекшее с тех пор время не обладал ни один правитель, в том числе и тот, кто его опроверг⁴⁸. Что же касается так называемых отвратительных средств, пользоваться которыми рекомендует Макиавелли, то их следует рассматривать и под другим углом зрения. Формально Италия была

государством; в принципе это оставалось в силе и тогда, когда император еще считался верховным сеньором. И из этого общего положения Макнавелли исходит, этого он требует, это и есть тот принцип, который он противопоставляет унижениям своей страны. Под таким углом зрения действия «Государя» предстают в совершенно ином свете. То, что было бы отвратительным в качестве поступка одного частного лица по отношению к другому, одного государства по отношению к другому государству или другому частному лицу, становится в данном случае справедливой карой. Содействие анархии является высшим, вернее, единственным преступлением против государства, ибо оно включает в себя все остальные государственные преступления, и те, кто наносит вред государству не опосредствованно, подобно другим преступникам, а непосредственно нападают на само государство, являются самыми страшными преступниками; и нет у государства более высокого долга, чем сохранить себя и самым верным способом уничтожить силу этих преступников. Выполнение государством этого высокого долга — уже не средство, а кара или если бы сама кара могла служить средством, то любое наказание преступника следовало бы считать отвратительным, и каждое государство должно было бы обладать возможностью использовать, когда речь идет о его сохранности, отвратительные средства, подобно казни и длительному тюремному заключению.

Римский государственный деятель Катон Младший⁴⁹ обрел сомнительную привилегию в том, что на него сылаются все глашатаи свободы; между тем именно он всячески содействовал тому, чтобы Помпею⁵⁰ была дана вся полнота власти, причем сделал он это не из дружбы к Помпею, а потому, что считал анархию самым большим злом; и самоубийством он покончил совсем не потому, что была уничтожена анархия, которую римляне тогда еще называли свободой, — ибо партия Помпея, к которой он принадлежал, отличалась от партии Цезаря⁵¹ лишь тем, что была другой партией, — а из упрямства, свойственного его характеру, из нежелания подчиниться презираемому им ненавистному врагу — смерть его была проявлением духа партийности.

Тот, от кого Макиавелли ждал спасения Италии, был, по всем признакам, герцог Валентино⁵², князь, который с помощью своего дяди храбростью и обманом сколотил государство из владений герцогов Урсино, Колонна, Урбино и др., а также владений ряда римских баронов. Память о нем и его дяде: даже если отвлечься от всех тех обвинений, которые основаны на слухах и ненависти врагов, нельзя не согласиться с тем, что герцог и его дядя заклеены позором в памяти потомства — тех, кто считает себя вправе давать моральную оценку людям. Герцог и его дядя погибли, но не погибло их дело. Именно они завоевали римскому престолу государство, которое Юлий II⁵³ сумел использовать и превратить в грозную силу и которое существует по сей день.

Если Макиавелли приписывает падение Цезаря Борджиа не только его политическим ошибкам, но и случайности, вследствие которой он заболел именно в тот решительный момент, когда умирал Александр, то мы видим в этом проявление высшей необходимости, не позволившей Цезарю Борджиа насладиться плодами своей деятельности, достигнуть еще большего могущества, потому что природа, по-видимому, предназначила его, о чем свидетельствуют его пороки, скорее к эфемерному блеску, к тому, чтобы служить простым орудием образования государства, а также и потому, что достигнутая им власть была в значительной своей части основана не на внутреннем и не на внешнем праве, а возникла в качестве чужеродного тела на разветвлении духовного достоинства его дяди.

Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал перед своим временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением. Интересным является в своеобразной судьбе «Государя» также тот факт, что при общем непонимании и ненависти к этому произведению один будущий монарх⁵⁴, вся жизнь и деятельность которого явились ярчайшей иллюстрацией к распаду Германской империи на множество независимых государств, руководствуясь своего рода инстинктом, взял в качестве темы для школьного сочинения Макиавелли,

противопоставив ему моральные хрии, пустоту которых он сам впоследствии подтвердил как своим образом действий, так и своими произведениями, где это со всей отчетливостью сказано; так, например, в предисловии к Истории первой Силезской войны⁵⁵ он отрицает необходимость соблюдать условия договоров в том случае, если они уже не идут на пользу подписавшему договор государству.

Впрочем, наше утонченное общество, которое не могло не отметить гениальность творений Макиавелли, но, обладая высокими моральными достоинствами, не способно было и принять его принципы, решило по своей доброте спасти его самого; эти благожелатели вышли из сложного положения со всей присущей им честностью и тонкостью, объявив, что в своих произведениях Макиавелли совсем не излагал своих действительных взглядов, что все это — лишь тонкая сатира, ирония; нельзя не согласиться с тем, что тонкость столь восприимчивого к иронии общества достойна всяческих похвал. Голос Макиавелли затих, не оказав никакого воздействия.

ДВЕ ВЕЛИКИЕ НЕМЕЦКИЕ ДЕРЖАВЫ

Германия во многом разделяет прежнюю судьбу Италии — и она в течение ряда веков служила ареной внутренних войн, а также войн иноземных держав, подвергалась опустошению, ограблению и надругательствам со стороны своих друзей, была презираема ими, а в мирное время обычно теряла часть своих земель. Однако эта судьба постигла ее значительно позже, чем Италию. Первой иноземной державой, которая, разрывая внутренние узы Германии, способствовала уничтожению ее уже колеблющейся системы государственных связей, была Швеция. С этого момента судьбу Германии стали определять иноземные государства — Германия уже раньше перестала внушать страх другим державам. Теперь же она лишилась возможности самостоятельно устраивать свои внутренние дела, принимать касающиеся ее решения; она выпустила из рук право определять свою участь.

Судьба Германии существенно отличалась, однако, от судьбы Италии тем, что государства, на которые распа-

лась Италия, могли при тогдашних условиях еще долгое время сопротивляться натиску значительно более сильных держав, что ничтожность их силы не превращала их в столь же ничтожную величину вообще; подобно тому как Греция была способной не только оказать сопротивление персам, но и одержать над ними победу, так город Милан мог в прежние времена сопротивляться войскам Фридриха⁵⁶ и выдержать их натиск, а еще позже Венеция устояла в войне с Камбрейской лигой⁵⁷. В настоящее время возможность того, что маленькие государства будут противостоять крупным державам, полностью исключена, а суверенитет государств Германии сложился главным образом именно в тот период, когда эта возможность уже отсутствовала. Поэтому государства Германии не переходили от объединения к полному отделению; они немедленно вступали в объединения другого рода; общая масса не распалась на множество частей, оставаясь некоторое время в этом состоянии, но внутри этой массы создавались новые центры, вокруг которых, образуя новые массы, сконцентрировались части, оторвавшиеся от целого.

Религия и самостоятельность в качестве основы независимости государств были в прошлом теми интересами, которые служили центрами для объединения немецких сословий, оба эти центра формировали их политическую систему. Однако эти центры исчезли. Религия не только устояла, дух времени оградил ее от всякой опасности; сословия также сумели обрести самостоятельность; наряду с Австрией, некогда вызывавшей опасения своими притязаниями на универсальную монархию, теперь образовалась прусская монархия, которая, будучи достаточно сильной, выстояла в Семилетней войне под ударами не только Австрии, но и других держав, и с тех пор еще увеличила свою территорию за счет Польши и Франции.

Достигнув такого могущества, Пруссия вышла из сферы общего интереса, направленного на сохранение независимости, и поэтому не может больше рассматриваться как естественный центр, вокруг которого сословия объединяются в деле сохранения своей самостоятельности. Пруссия может вступать в союз с другими сословиями, в этом вопросе она независима и не нуждается в поддерж-

ке немецких князей. Она сама может постоять за себя. Союз немецких сословий с Пруссией тем самым неравен — Пруссия нуждается в нем меньше, чем они, и выгода должна, следовательно, быть также неравной. Пруссия сама может с полным основанием вызывать опасения.

В последней войне в Германии сложились четыре политические системы: австрийская, имперская, нейтральная и прусская.

Австрии не была оказана реальная поддержка, разве что со стороны нескольких мелких князей, например бриксенского епископа, земли которого находятся в центре австрийских владений. В качестве имперского дома Австрия требует от немецких сословий поддержки и участия в совместных действиях; в имперскую систему входят все менее сильные сословия, преимущественно южной Германии, которые могли рассчитывать на какую-либо самостоятельность лишь при условии, что Германская империя будет сохранена; к ним относятся прежде всего духовные сословия и имперские города.

Третью систему образует в первую очередь система Баварии, Бадена и Саксонии; они действовали вне какого-либо политического союза, будь то с Австрией, Пруссией или империей, а руководствовались в вопросе войны и мира или нейтралитета лишь своими собственными интересами.

Четвертая система охватывает сословия северной Германии, которые при посредстве Пруссии заключили договор о нейтралитете с Францией и отдались под защиту Пруссии, гарантировавшей им спокойствие в северной Германии.

После того как Пруссия заключила мир с Францией⁵⁸, к этому мирному договору присоединился еще ряд северных государств, а под действием страха, вызванного победоносным походом Франции в 1794 г., о своем нейтралитете заявили более половины немецких земель. Когда в 1796 г. французы вступили в Баварию, город Нюрнберг не только пожелал присоединиться к договору о нейтралитете, но изъявил полную готовность стать городом прусской земли; и действительно, прусские войска заняли Нюрнберг, после того как за несколько лет до этого Пруссия на основании старых притязаний заявила, что часть

его территории принадлежит ей и захватила ее; таким же образом Пруссия уничтожила и права многих рыцарей Франконии, причем ни Нюрнберг, ни рыцари не получили от империи никакой помощи.

Сословия северной Германии гарантировали нейтралитет не сами, в форме обычных ассоциаций, и Пруссия была не одним из членов подобного союза, а его главой и гарантом, сословия же несли издержки по содержанию демаркационных войск. Постоянного союзного совета не существовало; он собирался только тогда, когда необходимо было провести совещания или вынести решения по регулированию и проведению принятых мероприятий и установленных сословных взносов.

Истинное политическое положение сословий стало очевидным, когда в конце 1800 г. сословия, которым не было предложено явиться, сами решили созвать очередное собрание: Пруссия отказала им в праве собираться для совещаний, поскольку Пруссия, будучи гарантом спокойствия, сама способна судить о том, какие меры для этого необходимо принять.

Когда северная коалиция, выступившая против претензий Англии по поводу кораблей нейтральных стран, оказалась на грани войны с Англией, Ганновер — один из главных членов союза, обладавший гарантией нейтралитета, был (наряду с другими имперскими городами) занят Пруссией. Ему пришлось распустить свои войска и взять на себя снабжение прусских воинских частей. Мир⁵⁸ был ратифицирован сословиями Германской империи, но Пруссия пожелала получить для себя официальное подтверждение этой ратификации в Париже.

Вся история этой войны, отделение северной Германии от южной, сепаратные договоры о нейтралитете и мире, в то время как вся южная Германия, брошенная на произвол судьбы, испытывала ужасающие бедствия, с полной очевидностью свидетельствуют не только о том, что Германия распалась на отдельные независимые государства, но и о том, что интересы этих государств совершенно различны; и если государственные узы между ними столь же непрочны, как в средние века, то свободного их объединения теперь уже ждать нельзя. В момент, когда оказались затронуты самые животрепещущие интересы,

когда Германия утратила все левобережье Рейна и половина ее территории была захвачена и опустошена врагом, со стороны немецких государств не последовали ни действия общегосударственного характера, ни добровольная помощь. Все остальные сословия держались в стороне, не желая участвовать в каких-либо совместных мероприятиях, а некоторые из них, получив гарантию своего нейтралитета от князя, бывшего одновременно правителем чужого государства, отказались даже от самого права участвовать в совместных действиях сословий Германской империи, объединяться с ними в своей деятельности и даже от возможности совещаться по этому вопросу с другими сословиями.

При возобновлении войны Швеция сделала, правда, публичное заявление о своей готовности поставить контингент войск. Однако вскоре стало известно, что Пруссия не дала согласия на переход через линию нейтралитета. Тем, что Бранденбург в этой войне не только полностью отделил свои интересы от интересов Германской империи в целом и заставил сделать то же самое другие сословия, а затем поставил их в такое положение, при котором мог в качестве их гаранта в соответствии с правом и силою своей власти заставить их держаться обособленно; что он отнял у франконского рыцарства его право непосредственно подчиняться империи, лишил имперский город Нюрнберг части его территории, сочтя это для себя необходимым, вообще потребовал от магистрата полной капитуляции и занял город; что позже он захватил Ганновер, который состоял с ним в союзе, гарантировавшем спокойствие и неприкосновенность всей северной Германии, разоружил его и наложил на него в виде реквизиции обязанность снабжать продовольствием свои войска — все эти факты свидетельствуют о том, что уже давно имело место, а именно, что правителя Пруссии не следует считать имперским князем, обладающим равными с другими сословиями правами, что Пруссия является отдельным, суверенным, могущественным государством, а отнюдь не сословием, готовым принять равные для всех сословий обязательства внутри определенной ассоциации.

Последняя война вообще внесла большую ясность в отношения между государствами. Если говорить об отно-

шениях государств с точки зрения силы, то здесь уже не сохранилось больше никаких иллюзий; сущность этих отношений стала очевидной и признанной повсюду: до понимания слабых сословий было доведено, что ни о каком равенстве их с могущественными сословиями не может быть и речи. Если Женевская республика вела себя как суверенное государство и похвалялась тем, что первой направила своего посла во Французскую республику и формально признала ее, то вскоре, когда к отношениям между Женевой и Францией стали относиться серьезно, они приняли совсем иной характер; республике же Сан Марино Бонапарт⁶⁰ подарил несколько пушек, ибо здесь не могло быть каких-либо серьезных взаимоотношений, и этот акт служил лишь поводом для того, чтобы продемонстрировать уважение Франции к республиканским государствам.

Женевская республика исчезла; однако Батавской, Гельветской, Цизальпинской и Лигурийской республикам присутствие сильного гарнизона служит гарантией их независимости и спокойствия и, если угодно, нейтралитета.

Таковы отношения, которые устанавливаются между сильными и слабыми государствами в зависимости от действительного соотношения сил.

Отношения Австрии с Германией сложились в очень давнее время и могли бы быть совсем иными, если бы Австрия отказалась от императорской короны и в качестве могущественной суверенной державы заключила бы со своими соседями гарантированные договоры о взаимной защите, особенно если бы Австрия опиралась на эти договоры в минуту опасности; в одном Австрия сильно уступает Пруссии: отношения, связывающие Австрию, очень давнего происхождения, тогда как Бранденбург, будучи в мирное время свободным от каких бы то ни было обязательств, может в период войны предъявлять свои условия тем, кто в тяжелую минуту обращается к нему, ища защиты. Поскольку в наши дни принято все рассчитывать, то эти условия могут быть на 10% снижены по сравнению с теми, которых опасаются со стороны врага; или поскольку враг — вообще нечто совершенно неопределенное и от него ждут всего самого страшного, то любое определенное условие покажется меньшим злом, чем

неопределенное, вызывающее всяческие опасения условие. Ведь в данном случае размер потери по крайней мере известен, а это уже само по себе приносит известное успокоение.

Население Рейнских областей придерживалось следующего мнения: в том случае, когда одна часть государства находится внутри демаркационной зоны, другая же — вне ее и обременена к тому же государственными и частными контрибуциями французов, то при установлении сословными представителями земли общей суммы долга следует исходить из того, что та часть, которая находится под властью французов, может отказаться признать принцип паритета и равного участия в уплате долга, полагая, что находится в худшем положении; быть может, это мнение и необоснованно, но оно в общем отражает суждение народа.

Бранденбург обладает, следовательно, тем преимуществом, что он находится с могущественными державами либо в дружественных отношениях, либо, не будучи связан какими-либо договорами о союзе и взаимной защите, рассматривает их как врагов; если же он заключил какой-либо гарантийный договор, то его можно в любой момент нарушить, ибо этот договор являет собой лишь нечто определенное и единичное, подобно любому другому политическому договору, который по самой своей сущности допускает нарушение; оно не является в данном случае вероломством — этому нас научила последняя война, в ходе которой бесчисленное множество договоров нарушалось, вновь заключалось и вслед за тем вновь нарушалось; что же касается связи Австрии с сословиями, то она не может быть подведена под категорию обычных политических договоров; и если бы Австрия попыталась вступить во взаимоотношения, направленные против какого-либо имперского сословия, подобно тому, как это делает Пруссия, то все сословия увидели бы в этом посягательства на свои права. Для Пруссии это столь же естественно, как, например, для Франции и др.

Могущество Пруссии и проявление ее силы в выше-названных обстоятельствах вывело Пруссию из положения, равного положению всех прочих сословий. Чистый интерес своей политической самостоятельности они мо-

гут обрести лишь у самих себя; и их ассоциация, подлинный сословный союз на этой основе был бы вполне возможен, однако только возможен, ибо сила самих этих сословий настолько различна, что они не могут образовать подлинно равный союз.

Аббатству, имперскому городу, имперской знати в значительно меньшей степени грозит стремление к расширению своих границ со стороны австрийской монархии, чем со стороны какой-либо меньшей державы. Несмотря на то, что Пруссия, безусловно, может считаться крупной державой, она в этом отношении, т. е. в качестве державы, способной вызвать опасения мелких сословий и готовой использовать все доступные ей преимущества, ближе по своей политике к менее сильным сословиям, ибо государственная политика Пруссии, так же как и Франции, основана на расчете, а ее военная мощь долгое время не соответствовала величине ее территории; вследствие этого Пруссия была вынуждена искать выход в мелких, выгодных для нее сделках, сумма которых давала ей необходимые преимущества,— подобно Французской республике она положила в основу своей политики общие принципы, силою своей власти прослеживая их действия вплоть до мельчайших деталей, и подчинила им все особые права и отношения; невольно напрашивается мысль, что эта новая политика Пруссии объясняется отсутствием здесь принципа королевского величия, связью ее со сферой бюргерства; если сравнить Пруссию, например, с Австрией, то отношение Пруссии к Австрии напоминает отношение бюргера, скопившего тяжелым трудом, начав с одного пфеннига, свое богатство, к аристократу, свободному и богатому от рождения, имущество которого заключено в земле и остается по существу без изменений, даже если он позволит своей домашней челяди или соседям иногда извлекать из этой земли кое-какие мелкие выгоды. Богатство аристократа является не суммой — сумма уменьшается посредством вычитания из нее отдельных частей,—а чем-то постоянным и неизменным.

Для мелких сословий, которые должны испытывать величайшие опасения по поводу своей самостоятельности, спасение может быть лишь в том, что они с полным доверием подчинятся власти державы, обладающей доста-

точным великодушием, чтобы проявить склонность к защите их интересов, и проводящей политику, способную им эту защиту предоставить; и на самом деле духовные князья, аббаты, имперские города всегда охотно переходили на сторону императора и с наибольшей готовностью соблюдали свои обязательства по отношению к императору и империи.

Если более могущественные имперские сословия и захотели бы объединиться и сумели бы в создании подобной коалиции избежать обычной для всех коалиций участи, если бы их объединенные войска и образовали армию, способную противостоять крупным силам противника, то им уж, во всяком случае, не удалось бы поставить себя в такое положение, при котором им угрожала бы только одна вражеская держава, ибо каждая подобная держава обязательно опасалась бы присоединения к ним других держав; согласованным же действиям нескольких держав упомянутая коалиция не могла бы противостоять как вследствие недостаточной военной мощи, так и ввиду ее географической разбросанности. Эта разбросанность возникла как обычное следствие образования крупных держав. В военном отношении она, безусловно, является крупным недостатком; поскольку же коалиция государств, о которой идет речь, явилась бы чем-то новым, эти государства не сумели бы мобилизовать достаточные средства для того, чтобы воздвигнуть вдоль своих границ оборонительные линии.

В зависимости от обстоятельств их политика приводит к тому, что они присоединяются то к одной, то к другой крупной державе, неизбежно разделяя обычную участь слабых союзников или слабых противников.

Судьба немецких сословий непосредственно определяется политикой двух великих держав. Обе они схожи в том, что их отношение к Германии носит преимущественно политический характер, причем к Пруссии это относится еще в большей степени, чем к Австрии, поскольку последней принадлежит одновременно и императорская корона, что с давних пор обременяет ее бесконечными ограничениями, связанными с множеством особых прав.

В остальном различные интересы этих держав постепенно сблизились. Опираясь в прошлом на это различие

интересов, Пруссия укрепила свою мощь, либо присоединяясь к тем, кто выступал против австрийского дома, либо возглавляя их; однако время постепенно сгладило различие интересов между значительной частью немецких государств и Австрией и одновременно разъединило интересы Пруссии и интересы немецких сословий.

Главным интересом, защиту которого возглавила Пруссия, был интерес *религиозный*.

Некогда сами немецкие сословия, прежде всего Саксония и Гессен, поддерживаемые иноземными государствами, Швецией и Францией, защищали в борьбе с императором свои религиозные убеждения; Пруссия тогда вообще не играла никакой роли или в качестве Бранденбурга играла лишь весьма подчиненную роль. В Семилетней войне религиозные разногласия проявлялись не столько в отношениях между государствами, сколько в народном представлении, и это обстоятельство, безусловно, имело известное значение. Своего рода недоверие все время сохранялось, и даже если протестанты не испытывали непосредственных преследований, они все время их опасались; они постоянно подозревали австрийский дом в подобном желании, в ханжестве, в склонности подчиниться влиянию нового, слабого папы, иезуитов, католического священства вообще; в Пруссии же протестанты видели гаранта своей религиозной свободы, который в минуту опасности окажется их спасителем.

Мелочная политика иезуитов с ее фанатическими целями давно перестала быть политикой королевских дворов. А со времени правления Иосифа II эти опасения протестантов вообще были устранены. Реформы Иосифа II не были проявлением личных свойств данного монарха, они не потеряли своей значимости и после его смерти; напротив, его преемники руководствовались теми же принципами, и эти принципы прочно вошли в число главных компонентов образованности и основ государственности.

Устранен теперь и последний остаток прежних, противоречащих принципам нашего времени отношений, а именно положение протестантов в Пфальце, вызывавшее особую озабоченность протестантских князей импе-

рии. Дух времени, твердые принципы, которые легли в основу управления государствами, поразительно уменьшили значение *corporis evangelicorum*, а тем самым и его главы.

Отпало стремление католических сословий утвердить господство католической религии; тем самым стали ненужными и те сомнительные средства, к которым некогда прибегали для того, чтобы склонить имперских князей Германии к переходу в католичество, и которые вызывали такой страх и такие опасения со стороны протестантов. Католики перестали придавать значение этому обстоятельству как потому, что государство уже отделилось от церкви, так и потому, что опыт прошлого показал, насколько дурные последствия подобных средств — рост недоверия и упорства — превосходили приносимую ими пользу. Вскоре личные религиозные убеждения князя перестали определять религию его земли. Если князь протестантской земли и переходил в католичество, его земля могла по-прежнему входить в протестантскую партию рейхстага; более того, власть обратившегося в католичество князя в его протестантской земле уменьшалась не только в результате неизбежного недоверия к нему; реверсалии и т. п. лишали его того влияния, которое при одинаковом вероисповедании имеет на церковь своей земли протестантский князь, и он оказывался в положении католического князя в католической земле, где церковь совершенно независима от светской власти в управлении своими владениями, замещении должностей и в других распоряжениях такого рода, тогда как протестантский князь протестантской земли является одновременно ее главой и епископом. К тому же ряд католических княжеских домов впоследствии вновь принял протестантское вероисповедание.

Поскольку католики отказались от применявшихся ими в прошлом средств, иезуитский орден был распущен⁶¹, в католических землях была установлена веротерпимость, а протестантам, вопреки недальновидным установлениям Вестфальского мира, даны гражданские права; длинные списки обратившихся в католичество протестантских князей, которые составлялись учеными в области государственного права, разоблачения коварства

иезуитов, описания угнетений и преследований, претерпеваемых протестантами в католических землях, относятся теперь к области истории, являются уже наследием прошлого, а не грозным призраком наших дней.

Благодаря иноземной поддержке протестанты избавлены от постоянного страха перед угрозой того, что их вера будет искоренена силой — впрочем, венец мученичества их вообще мало привлекал. И поскольку прозелитизм перестал входить в систему действий имперского двора, они были освобождены от прежнего безумного страха, что вера будет отнята у них хитростью и совесть тайно украдена. Уже сама продолжительность времени дала им уверенность в том, что они действительно находятся в обладании истиной. Уже давно стало невероятным, чтобы католический исповедник рассматривался рейхстагом как *puissance* или чтобы рейхстаг предъявлял по этому поводу какие-либо настойчивые требования императору. И если берлинские писатели, подняв невероятный шум вокруг подозрений, связанных с иезуитами, хотели возродить этот дикий страх протестантов, то теперь рассмотрение этого вопроса уже не входит в компетенцию кабинета, не является предметом обсуждений в рейхстаге, а может быть расценено только как глупая выходка или взрыв весьма ограниченного интереса, напоминающего раздоры среди сторонников различных направлений масонского ордена.

Другим объектом интереса было спасение того, что обычно именовали немецкой свободой, от того, что называли *универсальной монархией* или позже также восточной системой управления.

После того как в течение десяти лет вся Европа с неослабным вниманием следила за ожесточенной борьбой одного народа за свободу, в ходе которой пришли в движение все страны Европы, совершенно естественно, что самые понятия свободы претерпели изменения и лишились своей прежней пустоты и неопределенности. Раньше в Германии свобода означала не что иное, как независимость сословий от императора; единственной дилеммой было либо рабство и деспотизм, либо уничтожение государственного союза; третьего в прежние времена не знали.

С отречения Карла V⁶² испанская и австрийская монархии не объединены более личной унией, уже сто лет престол того и другого государства занимают различные династии. Австрия потеряла крупные провинции, Франция и Англия достигли равной с ней мощи, выступили на политическую арену Пруссия и Россия. Австрия давно перестала быть монархией, не имеющей себе равных в Европе. Образовалась *система европейского равновесия*, т. е. система, благодаря которой в каждой войне оказываются затронутыми интересы всех европейских держав, и каждая из них встречает препятствия к тому, чтобы использовать плоды даже самой удачной для нее войны в своих интересах или хотя бы в соответствии с достигнутыми ею успехами. Сами войны настолько изменили свою сущность, что завоевание даже нескольких островов или какой-либо провинции дается ценой многолетних усилий, огромных затрат и т. д.

Идея универсальной монархии никогда не имела конкретного содержания. То обстоятельство, что она не была реализована тогда, когда этот план возник, свидетельствует о невозможности ее реализации и, следовательно, о пустоте этой мысли, а впоследствии об этом вообще не могло быть и речи.

Тем не менее Австрия сохраняет в Германии свое исключительное могущество, т. е. сохраняет свое превосходство в силе над любым другим немецким сословием, над многими из них вместе. Однако одновременно того же положения достигла Пруссия. С точки зрения опасности для немецких сословий, Австрия и Пруссия занимают равное положение. То, что принято было называть немецкой свободой, должно было бы остерегаться обеих этих держав.

ГРАЖДАНСКАЯ И СОСЛОВНАЯ СВОБОДА

Из двух принципов — опасности, грозящей протестантской религии, и страха перед универсальной монархией, — защита которых дала возможность одному государству обрести большое влияние в Германии, первый больше не существует; что же касается второго — стремления

расширить свои границы за счет немецких сословий,— то Австрия находится по крайней мере в равном положении с Пруссией, а может быть, имеет и ряд преимуществ по сравнению с ней.

Теперь, однако, стало очевидным, что в результате десятилетней войны и бедственного состояния значительной части европейских стран сущность понятий усвоена по крайней мере настолько, что люди стали менее восприимчивы к бессмысленным возгласам, призывающим защищать свободу. В этой кровавой игре померкла заря свободы, иллюзия которой ввергла народы в бездну страданий, и постепенно в народном сознании утвердились определенные образы и понятия. Призывы к свободе уже ни на кого не оказывают воздействия; анархия не отождествляется более со свободой, и понимание того, что прочная государственная власть является необходимым условием свободы, глубоко проникло в сознание людей; столь же глубоко, как и то, что народ должен принимать участие в законодательстве государства и в решении важных государственных дел. Гарантию того, что правительство действует в соответствии с законами, и возможность выразить свою волю в наиболее важных, касающихся всего государства делах, даст народу организация представляющего его учреждения, в функции которого входит предоставление монарху права взимания определенной части налогов, в первую очередь налогов чрезвычайных; и подобно тому как раньше от свободного соглашения зависело наиболее существенное для того времени — личная служба, так и теперь от этого свободного соглашения зависит предоставление денег, в которых сконцентрированы все виды влияния.

Без подобного представительного учреждения свобода теперь немыслима; благодаря этому определению исчезли все смутные образы, все пустые призывы к свободе; это понятие — не достояние отдельных людей, которые постигли его в результате специальных научных исследований и целенаправленных изысканий; оно стало основой общественного мнения, составной частью здравого смысла. Большинство немецких государств имеет подобные представительные учреждения — сословные собрания Австрии, Богемии и Венгрии предоставили своим монархам

право свободно ввести чрезвычайные налоги для войны с Францией.

В интересах этой немецкой свободы подданные империи, естественно, обращаются к тому государству, в основе которого лежит та же система свободы. Интересы, ранее господствовавшие в Германии, в значительной степени утратили свою силу. Пруссия не может больше строить на них свою политику; общественное мнение уже не воспринимает войну, которую ведет Пруссия, как войну за немецкую свободу. Подлинные, постоянные, крайне обостренные в наше время интересы не обретут в Пруссии защиты. Сословные представители прусских провинций лишились под властью короля своего прежнего значения. В землях Пруссии введена новая, искусственная налоговая система, распространенная и на недавно присоединенные к Пруссии земли, привилегии и налоги которых покоились на старом праве и обычаях. И помощи, которая освободила бы немецких подданных Пруссии от непосильного бремени налогов, вернула бы им прежние привилегии, ждать неоткуда, ее не могут оказать ни император, ни имперские суды.

Помимо менее могущественных сословий, например имперских городов, другие сословия немецких земель также с надеждой обратили теперь свои взоры к императорскому двору, ожидая от него поддержки того, что в мире понимают теперь под немецкой свободой; происходит это уже по одному тому, что наследственные земли императорского дома сами составляют государство, основанное на представительстве, где народ обладает определенными правами, и особенно из-за поддержки, которую можно обрести в рейхсгофрате.

Эта разновидность свободы страдала, конечно, тем больше, чем больше возрастала другая разновидность немецкой свободы и уменьшалась власть государства над отдельными его частями.

По Вестфальскому миру суверенитет или, во всяком случае, верховное господство императора над имперскими городами, которое принадлежало императорам, но с течением времени перешло в виде залога к имперским городам, т. е. к их магистратам, было объявлено невыкупаемым. Назначаемый императором лультгейс (или равное

ему по положению должностное лицо в других городах) должен был постоянно держать магистрат в некотором напряжении. Городской магистрат находился под своего рода надзором независимого от него лица, обладавшего несомненным весом благодаря своей связи с верховным главой империи. С тех пор как Вестфальский мир, сделав отданную магистратам в качестве залога государственную власть невыкупаемой, в полной мере утвердил одну сторону свободы имперских городов, была значительно ущемлена другая сторона их свободы; известно, какое бремя налогов, какое пренебрежение правосудием, какой рост долгов испытали имперские города, в какой испорченности нравов погрязли многие из них, где бюргерство не осуществляло надзор над управлением и использованием публичных должностей, не имело права голоса при утверждении налогов, где введение податей, их использование, а также замещение должностей полностью перешли во власть магистратов и целиком зависели от их произвола. Некоторым городам посчастливилось с помощью императора освободиться от этой немецкой свободы магистратов; другие еще до последней войны были приведены последствиями этой системы в состояние полного смятения и финансового хаоса, которое в ходе войны еще значительно увеличилось.

Что касается государств, находящихся во власти князей, то здесь ответственность за имперский налог, за издержки по поставке военных контингентов, депутацию в рейхстаге и т. д. была полностью переложена на собрания сословных представителей.

В 1672 г., через 24 года после того, как посредством Вестфальского мира была завоевана немецкая свобода, совет князей направил императору резолюцию рейхстага, которая отменяла прежний договорный порядок уплаты доли государственных расходов и передавала на усмотрение князя решение того, что необходимо для удовлетворения потребностей его земли. Подобное усиление княжеской власти, которое позволило бы князьям того времени полностью устранить принцип нового государственного устройства и уготовить для своих потомков последствия, значение которых невозможно даже предвидеть, — это усиление — если угодно — немецкой свободы не было

реализовано из-за решения императора Леопольда⁶³; он отказался ратифицировать решение рейхстага, несмотря на то, что оно позволило бы ему отменить аналогичные права своих немецких земель — Богемии и Австрии. Если бы император сослался на сохраняющуюся в известной мере связь бургундских земель с империей, рейхстаг санкционировал бы отмену и там прав сословий, выродившихся в деспотическую власть аристократии, и Леопольд осуществил бы тем самым то, что не удалось более чем через сто лет Иосифу II.

Под углом зрения этой немецкой свободы отношение императора к Германии выступает совсем в ином свете и сильно отличается от отношения к ней Пруссии. Время вернуло великий народный интерес к его источнику; однако в данный момент это — потребность, которая не нашла еще своего удовлетворения в соответствующей государственной организации.

Принципом исконного немецкого государства, который утвердился впоследствии во всех европейских странах, был принцип монархии, т. е. государственная власть, во главе которой стоит монарх, осуществляющий управление страной при участии народа посредством делегированных им представителей. Форма подобного управления сохранена, правда, учреждением, именуемым рейхстагом, но сущность его исчезла.

В ходе длительного процесса, когда Европа колебалась между варварством и культурой, немецкое государство не совершило необходимого перехода и стало жертвой его конвульсий; члены немецкого государства оторвались и обрели полную самостоятельность, государство распалось. Немцы не сумели найти средство, которое помогло бы избежать как угнетения и деспотизма — того, что они называли универсальной монархией, — так и полного распада государства.

Борьба за немецкую свободу была в негативном аспекте стремлением воспрепятствовать утверждению универсальной монархии, в позитивном аспекте она превратилась в завоевание отдельными частями государства полной самостоятельности. В этом вопросе земли полностью поддерживали своих правителей, полностью солидаризовались с ними; однако им вскоре пришлось убе-

даться в том, что суверенитет князей отнюдь не приближал их к обладанию свободой в немецком понимании, скорее наоборот.

Одновременно в земских сословных собраниях все заметнее проявляется тенденция ограничиваться кругом интересов своей земли, связь с целым они полностью утеряли. Раньше князья перед заседанием рейхстага созывали ландтаги и совещались с представителями своей земли. Противоречие, согласно которому сословные представители, с одной стороны, всячески стремятся избежать участия в имперских войнах и необходимости нести свою долю расходов, с другой — полностью обязаны своим существованием империи, это противоречие, связанное с разделением Германии, утвердилось в духе народа; Бавария, Гессен и другие земли видят друг в друге чужих, причем сословные представители, находящиеся в непосредственной связи с народом, выражают это ощущение обособленности наиболее отчетливо; все то, что правитель земли предпринимает в своих внешних отношениях, им чуждо, их не касается, и больше всего они хотели бы, чтобы их оставили в покое и позволили бы, подобно швейцарцам, сохранять постоянный нейтралитет. Однако сложившаяся ситуация исключает возможность подобной изоляции; для слабых государств нейтралитет не возможен, поскольку они оказываются либо поблизости, либо даже между воюющими державами — впрочем, при желании можно быть и нейтральными, т. е. позволить обеим сторонам беспрепятственно опустошать и грабить себя.

Хотя интересам земель и земельных представителей должно отвечать существование в Германии государственной власти, — этим землям деятельность на благо Германии стала чуждой — Германия, разве эта страна еще кого-нибудь интересуется? И какое патриотическое чувство может она вызвать? Все те преимущества, которые отдельные земли, а также их сословные представители, пребывая в полной пассивности, получают от Германии, они принимают, признают, однако ничего не делают для того, чтобы сохранить эти преимущества; ибо человеческой природе исконно свойственно интересоваться только тем, на что были затрачены усилия, что послужило поводом к

принятию совместных решений, к совершенно совместных действий. Поэтому необходимо было бы привлечь земли к участию в рассмотрении дел всеобщего значения.

ЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Если Германия не стремится после нескольких войн разделить участь Италии и почти целиком оказаться во власти иноземных держав, в результате чего большинство немецких сословий постепенно попадет в полную политическую зависимость от этих держав; постепенно, причем сначала более слабые, в частности духовные, сословия будут поглощены ими — и лишь несколько, два или три, смогут еще некоторое время существовать в виде государств величиной в округ или несколько округов, — если Германию не привлекает подобная участь, то она должна вновь создать единую государственную организацию. Необходимо создать то наиболее существенное, что составляет государство, а именно — государственную власть, которая осуществляется верховным правителем страны при участии отдельных частей государства. Все несущественное — судопроизводство, управление финансами, религия — все это должно быть исключено из того необходимого, что присуще государству.

Существование Германской империи возможно лишь в том случае, если будет создана государственная власть и восстановлена связь между немецким народом и императором.

Это может быть осуществлено только посредством объединения всех войск Германии в единую армию. В этой армии каждый значительный князь был бы от рождения генералом, командовал бы собственным полком и жаловал бы чины военнослужащим или располагал бы отдельной лейб-гвардией и гарнизоном для своей столицы. Более мелкие сословия возглавляли бы роты или небольшие отряды. Император располагал бы, конечно, верховной властью над этой армией. Издержки по содержанию армии, оплачиваемые теперь главным образом сословными собраниями, а не князьями из доходов, получаемых с доменов, пали бы в такой же степени, как и до сих пор,

на земли. Эти расходы ежегодно утверждались бы сословными представителями, которые для этой цели собирались бы в полном составе, причем было бы исключено, что из общего числа депутатов явятся лишь представители нескольких земель, поскольку одни из этих земель вообще не имеют сословных представителей, а для других, очень маленьких сословий, расходы оказались непомерно высоки; напротив, если в Германии для призыва военнообязанных необходимо было бы создать военные подразделения и каждый округ был бы разделен на известное число меньших округов, вне всякой зависимости от каких-либо юрисдикций и привилегий, не имеющих ничего общего с военным подразделением, то в низших подразделениях такого рода можно было бы соответственно числу жителей выбирать депутатов, в задачу которых входило бы утверждение налогов, необходимых для содержания органов государственной власти.

Депутаты объединились бы для этой цели с городской курией — ведь эта курия опять уменьшилась в составе из-за утраты ряда городов, и совершенно неизвестно, не сократится ли она еще на благо ряда мелких городов в ходе возмещения убытков; следовало бы предложить и Гамбургу послать своих депутатов в рейхстаг; ничтожные по своей величине имперские города с населением в тысячу или несколько тысяч человек имеют голос в рейхстаге, а такие земли, как Богемия или Саксония, его не имеют. Сохранившиеся еще мелкие имперские города должны были бы привлекать к выборам депутатов окружающие их территории.

Каково, собственно говоря, назначение городской курии, вообще никто не знает. В рейхстаге три курии, однако решение принимается большинством голосов; если курия курфюрстов и курия князей не приходят к соглашению, то вопрос остается открытым и курия городов ничего изменить не может. Изменение свелось бы только к тому, что те деньги, которые земли непосредственно предоставляют своим правителям и лишь опосредствованно императору и империи, они бы теперь непосредственно отдавали императору и империи.

Тогда император опять стал бы главой Германской империи.

Может возникнуть вопрос, будут ли рыцари посылать своих депутатов в совет князей или в курию городов. Свои благотворительные вспомоществования им следовало бы предоставлять совместно с другими, а в качестве носителей власти они, безусловно, должны входить в курию князей.

Встает и другой вопрос — примут ли князья решение вносить в государственную казну общую приходящуюся на них часть налогов совместно из доходов со своих доменов и иных территорий или же каждый из них будет тратить часть этой суммы на содержание своего полка или гвардии. Каждому предоставляется полная свобода добавлять из своих личных средств сверх того, что в общем порядке предоставляется государством, все, что ему заблагорассудится, для украшения своего полка. Если же князья решат вносить свою долю, являющуюся частью их домениальных доходов, совместно и назначат для этого какое-нибудь определенное место, то к ним следует присоединить и рыцарей, ибо исконная, подлинная знать, т. е. владельцы имперских рыцарских земель, носители власти в немедиатизированных рыцарских владениях, всегда полностью принадлежали к сословию князей и ничем не отличались от них по своему происхождению.

И еще один вопрос: могут ли князья, входящие в курию курфюрстов или курию князей, в том случае, если они не хотят сами явиться на заседание, направить в рейхстаг вместо себя представляющего их принца своего дома или самого знатного вассала? В заседаниях такого рода не предполагается ведение протокола; совещания должны носить устный характер, а голосование должно происходить посредством открытого подсчета голосов; поэтому личное присутствие блестящих, талантливых представителей княжеских и иных наиболее благородных домов придавало бы подобному собранию характер величественного, радующего взор события.

Превращение Германии в государство, безусловно, пошло бы на пользу всем ее частям; однако подобное преобразование никогда не бывает следствием логического вывода, оно всегда требует применения силы, пусть даже оно прямо соответствует общему уровню образованности, и потребность его со всей глубиной и определенностью

ощущается всеми. Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат к Германии.

Этот Тезей наших дней должен был бы обладать достаточным великодушием, чтобы предоставить народу, собранному им из разрозненных мелких народностей, право участия в общих делах, — поскольку же демократическое устройство, подобное тому, которое некогда Тезей дал своему народу, превращается в больших государствах нашего времени во внутреннее противоречие, то участию народа необходимо придать характер организации; современный Тезей должен обладать и достаточной твердостью характера, ибо, — хотя полнота государственной власти в его руках и может служить ему достаточной гарантией того, что он сумеет оградить себя от неблагодарности, которой некогда отплатили Тезею, — он должен быть готов претерпеть такую же ненависть, как Ришелье и другие великие люди, устранившие специфические особенности внутри государства.

В тех случаях, когда общественная природа людей не находит своего выражения и вынуждена искать выход в особенностях, она настолько искажается, что направляет всю свою силу на отделение от других и в утверждении своего обособления доходит до безумия; ибо безумие и есть не что иное, как полное обособление индивидуума от своего рода. И если немецкая нация не способна довести свое упрямое стремление к особенному до безумия еврейской нации, стоящей вне какого-либо сообщества, если она и не может прийти в своей обособленности до такой низости, когда взаимное уничтожение прекращается только с разрушением государства, то особенное в качестве преимущества и предпочтения есть столь сокровенно личное, что понятия и понимания необходимости недостаточно, чтобы воздействовать на поведение людей; понятие и понимание вызывают сами по себе такое недоверие, что обоснованы они могут быть только силой, — тогда им покоряется человек.

ФРАГМЕНТЫ

К «КОНСТИТУЦИИ ГЕРМАНИИ» (1799 г.)

I

Набросок предисловия

Неужели весь политический результат пагубной войны, которую Германская империя вынуждена была вести с Францией, сведется к отторжению от нее ряда ее прекраснейших земель, нескольких миллионов ее подданных? К тому, что — в виде возмещения потерпевшим в силу всего этого ущерб князьям — уничтожаются духовные сословия империи, и тяжкое бремя долгов переносит бедствия войны и на мирное время?

*Подобные вопросы не раз задавали себе немецкие патриоты — печальная уверенность в том, что никакие высокие цели не ставились и не осуществлялись. В период Рахтатского конгресса. Из всего хода этого конгресса было, впрочем, очевидно, что темой его будут или должны бы быть изменения в положении и государственном устройстве Германии; в дальнейшем станет еще более ясным, почему положение дел в Германии столь тесно связано с таким ее государственным устройством, при котором эта страна неминуемо должна оказаться в невыгодном политическом положении. С той поры положение тех немецких земель, которые находятся в состоянии войны с Францией, стало настолько плачевным, что измученные люди требуют только покоя, любой ценой, не заботясь о будущем; с болью пришлось Германии взирать на то, что уничтожение подлинного источника зла, существенное устранение действительных недостатков немецкого государственного устройства...**

В последующем изложении звучит голос человека, который с грустью прощается с надеждой увидеть немецкое государство поднявшимся из своего жалкого состояния; и прежде чем полностью отказаться от своей надежды, хочет еще раз со всей живостью возродить в

* Все последующее вычеркнуто.

** Фраза у Гегеля не закончена.

памяти прежние, постепенно теряющие свои силы пожелания, и еще раз в мечтах насладиться прежней, постепенно утрачиваемой верой в их осуществление.

Набросок плана

Германия больше не государство.

а) Можно ли надеяться на улучшение положения в мирное время? Государственное право превратилось в частное право.

б) Что существенно для государства? Неодинаковая религия и т. п.

с) В Германии нет высшей власти.

α) разделение государственной власти наследственно и в судебном порядке, суды

β) Власть

Военная

Финансы

Война и мир

d) Судебная

Набросок философского введения

Все увеличивающееся противоречие между неизвестным, к которому люди бессознательно стремятся, и жизнью, им данной и предоставленной, которую они сделали своей, тоска по жизни тех, кто переработал в себе природу до уровня идеи, включает в себя стремление к взаимному сближению. Потребность одних осознать то, что держит их в своем плену, и обрести неизвестное, которого они домогаются, совпадает с потребностью других перейти от идеи к жизни. Последние не могут жить в одиночестве, а человек остается одиноким, даже если он, воплотив в некий образ свою природу, превращает это воплощение в своего собеседника и наслаждается в нем самим собой; ему необходимо найти это воплощение в живом. Состояние человека, загнанного своим временем во внутренний мир, может быть либо (если он хочет сохранить свое пребывание во внутреннем мире) вечной смертью, либо (если его естество вынуждает его к жизни) лишь стремлением снять негативность существующего мира, для того чтобы найти себя в нем и наслаждаться своим существованием, чтобы жить. Страдание такого

человеческа связано с осознанием границ, заставляющих его отказаться от жизни в дозволенном ему виде; он хочет свои страдания, ибо страдание человека не содержит размышлений о его судьбе, не содержит воли, так как он почитает негативность, принимает границы в качестве непреодолимых лишь в форме их правового и обладающего силой наличного бытия, а свои определенности и противоречия — в качестве абсолютных и приносит им в жертву себя и других, даже в том случае, если они противоречат его инстинктам.

Снятию того, что применительно к природе является негативным, применительно к воле — позитивным, осуществляется не насилием, — ни тем, которому человек сам подвергает свою судьбу, ни тем, которое эта судьба испытывает извне; в обоих случаях судьба остается тем, что она есть, определенностью; граница не отторгается насилием от жизни; насилие извне есть особенное, противостоящее особенному, захват его собственности, новое страдание; воодушевление связанного — страшный для него самого момент, в котором он теряет себя, находит свое сознание лишь в забытых, но не ставших мертвыми определенностях.

Ощущение противоречия между природой и существующей жизнью есть потребность в том, чтобы оно было снято; и оно будет снято, когда существующая жизнь потеряет свою силу и все свое достоинство, когда она станет чистой негативностью.

Все явления этого времени свидетельствуют о том, что умиротворенность прежней жизнью утеряна; она была ограничением себя, упорядоченным господством над своей собственностью, лицезрением и наслаждением своим, пребывающим в полном подчинении, маленьким мирком, а также и примиряющим это ограничение самоуничтожением и мысленным вознесением к небесам; с одной стороны, бедствия времени посягнули на эту собственность, с другой — его пышные дары сняли ограничение; в обоих случаях человек был превращен в господина, обладающего высшей властью над действительностью. В условиях этой сухой рассудочной жизни нечистая совесть со все большей силой укоряет человека в том, что собственность, вещи, превращены им в абсолютное, увеличи-

вая тем самым его страдания; и это время ощутило веяние лучшей жизни. Оно находит поддержку в деятельности выдающихся людей, в движении целых народов, в изображении писателями природы и судьбы; посредством метафизики ограничения обретают свои пределы и свою необходимость в совокупных связях целого. Ограниченная жизнь в качестве силы лишь в том случае может стать объектом враждебного нападения со стороны лучшей жизни, если последняя также стала силой и опасается насилия. В качестве особенного, противостоящего особенно, только природа в ее действительной жизни олицетворяет в себе нападение или опровержение дурной жизни, а эта природа не может быть субъектом намеренной деятельности. Однако ограниченное может быть подвергнуто нападению со стороны своей собственной истины, находящейся в нем, и вступить с ней в противоречие; господство ограниченного основано не на власти особенного над особенным, а на всеобщности; истина, право, которые оно связывает с собой, должны быть отняты у него и переданы той части жизни, которую требуют. Такое достоинство всеобщности, права, есть то, что превращает требование страдания со стороны инстинктов, вступающих в противоречие с существующей, почитаемой жизнью, в нечто столь смиренное, как будто оно противоречит совести. Позитивность существующего, которая является отрицанием природы, сохраняет свою истину, которая должна быть правом.

В Германской империи исчезла обладающая властью всеобщность как источник всех прав, поскольку эта всеобщность отъединилась, превратила себя в особенное. Поэтому всеобщность существует теперь только в качестве мысли, а не действительности. То, по поводу чего общественное мнение приняло более или менее ясное решение в результате потери доверия, не нуждается особенно в том, чтобы более ясное сознание стало более общим. И все существующие права находят свое обоснование только в такой связи с целым, которая, уже давно не существуя, дала всем им возможность превратиться в особенные права.

Можно исходить либо из истины, допускающей также и существующее; в этом случае частичные понятия, со-

держащиеся в понятии государства в целом, будут восприняты как всеобщее в мысли, а их всеобщность или особенность будет в действительности поставлена рядом с ними; если подобное частичное единство проявит себя в качестве особенного, то сразу бросится в глаза противоречие между тем, чем оно хочет быть и что только для него требуется, и тем, что оно есть.

Или...

Набросок к введению

Кроме деспотий, т. е. неконституционных государств, ни одна страна в качестве целого не обладает худшим государственным устройством, чем Германская империя, — это стало почти общим мнением, а война позволила каждому в отдельности живо ощутить это; вернее, теперь стало ясно, что Германия вообще не является более государством. Катедер-статистики, в обязанности которых входит классификация конституций в соответствии с данными Аристотелем классами — монархии, аристократии и т. д., всегда терялись, сталкиваясь с имперскими условиями Германии. Исходя из этого, *Вольтер* прямо назвал государственное устройство Германии анархией; это действительно наилучшее наименование, если считать Германию государством, однако теперь оно уже не подходит, ибо Германию нельзя более считать государством.

Здание немецкой государственности — дело прошедших веков; оно не соответствует нашему времени, в его формах нашла свое полное выражение более чем тысячелетняя судьба; в нем живут справедливость и насилие, мужество и трусость, честь и кровь, нужда и благосостояние давно прошедших времен, давно истлевших поколений. Жизнь и силы, чье развитие и действие составляет гордость нынешнего поколения, безучастны к нему, не интересуются им и не зависят от него; это здание с его колоннами и украшениями стоит в стороне от духа времени.

До нас дошла легенда о немецкой свободе, о времени, равное которому едва ли можно найти во многих странах; тогда в Германии каждый отдельный человек был независим, не склонялся перед всеобщим, не раболепствовал перед государством, его честь и его судьба заключались

в нем самом; тогда он по своему разумению и нраву либо расстрачивал силы в борьбе с миром, либо формировал его в соответствии со своими желаниями,— ведь государства еще не было, и отдельный человек, принадлежавший по своему характеру, нраву и религии к целому, не ограничивался этим целым в своей деятельности и в своих поступках (в своем противодействии миру), но ограничивал себя по своему разумению без страха и сомнений в себе. Это состояние, когда не законы, а нравы объединяли толпу людей в народ, и одинаковые интересы, а не общий приказ превращал народ в государство, называлось немецкой свободой. Сферы власти, которые каждый создавал для себя по своему характеру и по воле случая, имущество, которое он обретал, все эти подверженные постоянным переменам вещи с течением времени постепенно фиксировались, и по мере того как формирующаяся собственность обособляла отдельные потребности, то, в чем они объединялись, превращалось в понятие, и стал господствовать непреложный закон.

Устойчивость, которую постепенно обрели эти владения, породила множество прав, лишенных единства и принципа и образующих скорее некую совокупность, чем систему; и требовалась величайшая проницательность для того, чтобы при их непоследовательности и хаотическом многообразии хотя бы несколько сгладить их противоречивость и привести их к какому-то единству. Так возпикло здание немецкой государственности, отдельные части которого, каждый княжеский дом, каждое сословие, каждый город, каждый цех, все, обладающие какими-либо сословными правами, сами завоевали себе эти права; государству оставалось только подтвердить то, что уже было отторгнуто от него. Политическая власть и право отдельного человека в качестве государственного служащего или подданного не являются в Германии долей участия в управлении, определяемой в соответствии с организацией целого, а выполнение обязанностей отдельного сословия или должностного лица также не требуется в соотношении с устройством целого; но каждый член политического тела располагает властью в государстве, обладает правами и несет определенные обязанности только по воле своего сословия или корпорации. Поэтому принципы

немецкого публичного права следует выводить не из какого-либо государственного правового понятия, например монархии, аристократии или демократии и т. п., а воспринимать их как повествования о реальных данностях; ведь владение появилось раньше, чем закон, и возникло оно не из законов, но то, что было приобретено, превращалось в законное право. Поэтому по своей исконной правовой основе немецкое государственное право является по существу частным правом, а политические права в Германии — законными владениями, собственностью.

Подобно тому как частное лицо «А» наследует, покупает или получает в дар дом «а», частное лицо «В» — сад «в» и т. д., собственность лица «А», относящегося к определенному сословию или занимающего некую должность, составляют 6 крестьян, а собственность лица «В» — 600 крестьян. Подобно тому как частному лицу «С» принадлежит мелкий скарб, большое количество пахотной земли и виноградники, так сословие «С» и должность «С» предоставляет право высшей и низшей юрисдикции над 5-ю домами, десятину со 100 деревень; должность «D» — долю власти над 2 тыс. бюргеров и право участвовать в решениях по вопросу войны и мира в масштабе всей Германии; какая-либо другая должность располагает долей власти над миллионом людей, но полностью исключает право высказываться по вопросу войны и мира в масштабе Германии. Исполнительная, законодательная, судебная, духовная, административная власть смешиваются, разделяются и связываются самым беспорядочным образом, соединяются и обособляются в самых различных количествах и образуют совершенно такое же многообразие, как собственность государственных подданных, являющихся частными лицами; причем правовая основа в том и другом случае одна.

И какое государство может обладать лучшей организацией, чем то, где каждое право участия в действиях государственной власти определено самым тщательным образом, каждое связанное с этим обстоятельство становится темой самой продолжительной дискуссии, чем то государство, где забота об этой политической собственности осуществляется с самой скрупулезной пунктуальностью по отношению ко всему, к самым как будто не-

значительным мелочам, подобно упорядочению занятия мест, ходьбы, титулов и т. д., с бесконечной, поразительной точностью в сохранении каждого права? В этом отношении Германская империя подобна царству природы — она неистощима в великом и непостижима в мелком, и именно эта ее сторона преисполняет посвященных в бесконечные детали ее прав изумлением и трепетом перед достоинствами немецкой государственности.

Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы. Та доля государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, потеряна для власти всеобщего. Тем самым власть всеобщего, монарх (император) и собрание сословных представителей (рейхстаг) сохраняют необходимый суверенитет лишь в весьма незначительной степени; власти, которые по самой сущности государства должны быть подчинены некоему центру, объединены в верховной власти (в лице монарха и сословий), военные силы, отношения с другими державами, связанные с этим финансы и т. д. — все это не находится в ведении законной верховной власти. В той мере, в какой каждая составная часть государства не только обладает долей участия в государственных делах, но и обособилась, поставила себя вне сферы действия государственной власти, ей предоставляется независимость в качестве права; и ежедневно эти части государства стремятся не только к независимости от целого, но и к тому, чтобы в значительной степени преодолеть в своем обособлении те границы, которые санкционировало государство. Права отделиться от целого, завоеванные отдельными сословиями, являются священными, нерушимыми правами, сохранение которых составляет основу всей государственности; а немецкая государственность — не что иное, как сумма прав, отнятых у государства, прав, сохраняемых с величайшей добросовестностью, опасениями и озабоченностью, и эта справедливость является основным принципом, душой конституции. Каждое суждение, которое... из понятия и сущности государства...*

* Фраза у Гегеля не закончена.